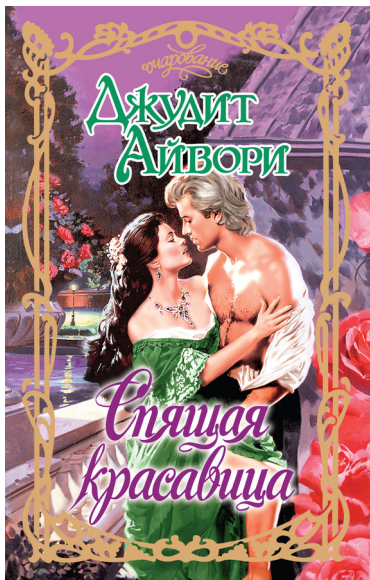

Джудит Айвори Спящая красавица

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=137749
Айвори, Джудит Спящая красавица : роман : АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-083058-9

Аннотация

У ног сэра Джеймса Стокера, бесстрашного и неотразимого искателя приключений, лежал весь лондонский свет. Любая из прекрасных «львиц» высшего общества с удовольствием стала бы его возлюбленной, но он, не желавший легких побед, возжелал покорить сердце неприступной Николь Уайлд, женщины, которая имела все основания не доверять мужчинам.

Содержание

Часть 1	5
Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	13
Глава 4	19
Глава 5	28
Глава 6	38
Часть 2	40
Глава 7	40
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Джудит Айвори

Спящая красавица

Judit Ivory

SLEEPING BEAUTY

Печатается с разрешения автора и литературных агентств The Axelrod Agency и Andrew Nurnberg.

© Judit Ivory, 2013

© Перевод. И.Е. Архипова, 2013

© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Часть 1

Счастливое королевство

Глава 1

*Следует помнить, что Спящая красавица была на сто лет старше принца. Она принадлежала к другой эпохе.
Из предисловия к переводу «Спящей красавицы», Лондон, 1877 год.*

Лондон

Джеймс Стокер, или, как он поправлял себя самого в последнее время, – сэр Джеймс Стокер, с трудом пробирался между лошадьми и экипажами. Наконец, перепрыгнув через очередную лужу, он пересек оживленную лондонскую улицу. Едва Джеймс ступил на сухой тротуар, как проезжавшая мимо карета обдала его грязью. Его ноги оказались забрызганными, а полы пальто и обшлага брюк моментально промокли. Джеймс старательно отряхнулся, а затем продолжил путь. День для весны был прохладным, так что он чувствовал себя довольно неудобно в сырой обуви. Но даже это обстоятельство не смогло вывести его из равновесия.

Все те тридцать шесть дней, что Джеймс пребывал в Англии, он каждое утро просыпался в приподнятом настроении. В последнее время он был настолько возбужден, что порой опасался за свой рассудок. Ибо Джеймс, в известной степени искушенный в житейских делах человек, считал, что недопустимо появляться на людях с глупым выражением лица. А между тем жизнь его в настоящий момент текла слишком благополучно, хотя не так давно все обстояло совсем иначе. Так что Джеймс высоко ценил благосклонность фортуны.

Действительно, ему крупно повезло. Главное – то, что он остался жив, хотя еще месяц назад мог побиться об заклад, что этого не случится. Сейчас он поселился в таких апартаментах, о которых раньше и мечтать не мог. Кроме того, Джеймс вернулся на родину героем: три дня назад королева Виктория собственноручно возвела его в рыцарское звание. Он с упоением подписывался в то утро: «Сэр Джеймс Стокер, кавалер ордена Бани». Орден Бани не какая-то там заурядная награда – королева по достоинству оценила его заслуги.

За последний месяц ему назначили щедрое содержание, сулившее постоянный доход, он удостоился трех различных наград и был избран большинством голосов проректором колледжа Всех Святых в Кембридже. Он становился самым молодым проректором за последние сто лет. Но самым приятным было то, что Джеймса назначили председателем правления университетского финансового совета и сделали заместителем президента университета. Перед Джеймсом открывалось блестящее будущее: возможно, когда-нибудь и он станет президентом университета.

А Джеймс был честолюбив. Он покинул Англию ради карьеры, много выстрадал, чуть не погиб. И теперь вернулся, чтобы получить все, чего так страстно желал: после всех его стипендий, жалований, наград, дивидендов за научную работу и назначений – скромный кусочек власти. А также достаточно денег для того, чтобы сменить гардероб, кухарку (он не мог больше выносить обедов своей прислуги), завести первоклассных лошадей и купить маленький спортивный экипаж, который как-то попался ему на глаза. Прекрасная вещь – с красными ступицами и медными спицами колес!

Джеймс был на седьмом небе. Он с некоторой долей смущения упивался славой, нежился в ее лучах. Он ликовал, наслаждаясь прелестью новизны.

В настоящий момент молодой человек, напевая про себя, изучал номера домов. Он остановился перед надписью, гласившей: «Мистер Джон Лимпет – дантист, мужской парикмахер и нотариус». Вывеска висела под козырьком двухэтажного дома. Это было как раз то, что нужно. Джеймс поднялся по ступеням дома, выглядевшего весьма прилично: свежескрашенный, с чистыми стеклами окон, с цветочными ящиками, красневшими геранью под каждым окном. Дверная ручка сияла начищенной медью, как и дверной молоток, за который Стокер взялся, чтобы постучать.

Толстая и приземистая, почти квадратная, женщина впустила его и, извинившись, проводила в приемную: любезный мистер Лимпет занят с другим клиентом («Жертвой», – подумал Джеймс), так как записываться необходимо заранее.

Стокер очутился в небольшом помещении, возможно, некогда здесь располагался кабинет. Он сбросил свое пальто – старомодная, но чистая и удобная комната прогрелась от полуденного солнца – и присел у окна, разглядывая обстановку. Вдоль стены стоял ряд стульев. Над ними в живописном беспорядке теснились миниатюры. На всех были изображены цветы. На расстоянии они смотрелись неплохо, возможно, оттого, что их умело развешали.

Позже, осмотревшись повнимательнее, Джеймс понял, что находится в приемной не один: он заметил женщину, сидевшую напротив него в дальнем углу, из которого доносились чуть приглушенные рыдания, смешанные с икотой.

– С вами все в порядке? – поинтересовался он.

Женщина кивнула, затем махнула мятым платком и покачала головой, давая понять, что на нее не стоит обращать внимание.

Стокер постарался вежливо игнорировать ее, продолжая разглядывать миниатюры, тем более что именно этого она, как ему показалось, и добивалась. Затем перешел к осмотру вазы с гвоздиками, стоявшей на этажерке. Но всхлипывания женщины мешали ему сосредоточиться. Джеймс увидел, что она держится за щеку.

– Зубы? – поинтересовался он из вежливости.

Женщина кивнула, шмыгнув носом.

– Болят?

Она снова утвердительно кивнула.

– Что ж, вы пришли по верному адресу, – подбодрил ее Джеймс.

Однако это не помогло. Дама опять кивнула, а затем снова принялась молча плакать. Ее плечи вздрагивали, хотя она старалась держать себя в руках. Джеймс встал, пересек комнату и присел рядом с ней.

– Вот. – Он протянул свой сухой носовой платок, так как ее совершенно вымок. – Какой зуб? – спросил он так, словно эта информация могла для него что-то значить.

Она осторожно коснулась двумя пальцами левой щеки, показав на задний зуб.

– О, подождите... – Джеймса неожиданно осенило.

Он полез в карман своего пиджака и достал оттуда табакерку, которую носил с собой уже несколько месяцев, затем открыл серебряную крышечку, чтобы показать, что табака там нет.

– Гвоздика, – пояснил он. – Я повредил зуб несколько месяцев назад: отломил кусок и расшатал его. Меня это очень расстроило, но мои друзья нашли выход. Надо положить две-три гвоздики вокруг зуба, и боль утихнет.

Женщина посмотрела на него с недоверием. На ее прелестном лице, которое не портила даже припухлость от слез, выделялись темные глаза с густыми, длинными ресницами. Через мгновение она потянулась за его сокровищем и довольно изящно достала своими пальчи-

ками две гвоздики, положила их в рот, затем склонила голову, стараясь получше пристроить их языком на место. Она улыбнулась и пробормотала из-под платка:

– Благодарю.

«Довольно странное произношение», – подумал Стокер.

Действительно, женщина не походила на англичанку. Она была слишком модно одета. Джеймс предположил, что его новая знакомая приехала с континента – одна из тех дам-космополиток, у которых есть деньги, время и вкус, чтобы совместить все – от особой ухоженности до эффектной экстравагантности. Темные волосы, спрятанные под маленькую меховую шляпку, выглядели почти черными. Ее платье было из темно-зеленого бархата, отделанное по воротнику и манжетам темным гладким искрящимся мехом. На коленях у нее лежали замшевые перчатки в тон. Наряд сидел на ней безупречно – не в обтяжку, но отлично подогнанный.

Она глубоко вздохнула, затем отняла платок от лица. Незнакомка была очень мила – стройная и хорошо сложенная, с приятным выражением лица. Из-за мелких черт ее глаза казались очень большими. Эти бездонные, почти черные озера загипнотизировали Джеймса. Женщина прошептала:

– Немного легче.

Ее английский был так хорош, что невозможно было определить, откуда она родом. Но дама определенно была иностранкой. Джеймс предположил, что француженка, но возможно, и итальянка.

– Гвоздичное масло, – объяснил он, – вызывает онемение. Через минуту вам станет лучше.

Женщина опустила глаза.

– На самом деле я плакала не от боли. – Она попыталась улыбнуться. – Зуб плохой, мистер Лимпет только что сказал, что его надо удалить.

Джеймс пожал плечами – такие вещи не редкость.

– Что ж, вы почувствуете облегчение, после того как избавитесь от него.

Незнакомка кивнула.

– Мне страшно.

Джеймс удивился: она была достаточно самоуверенна, чтобы заговорить с первым встречным и рассказать о своих страхах.

– Очень больно не будет, – предположил он. – Мистер Лимпет может дать вам веселящий газ. Вы и не почувствуете, как все произойдет.

– Но меня пугает не то, что зуб удалят...

– Тогда что же?

Она ответила так, словно ее слова что-то объясняли:

– На следующей неделе мне исполняется тридцать семь.

Незнакомка была на семь лет и восемь месяцев старше Джеймса. Однако по ней этого не скажешь. В молодой женщине угадывалась какая-то безмятежность, весьма редкое качество, – между тем она сидела перед ним, комкая в руках мокрый от слез платок. В ее манере держаться недоставало сдержанности и изысканной скромности, отличавшей аристократок.

Ее милые, приветливые глаза улыбались, губы приоткрылись, обнажив белые зубы исключительной красоты.

– Да, – спокойно произнесла она. – Мне все лучше и лучше! О, благодарю вас! Я так рада. Мой зуб действительно успокоился. Я сегодня пришла для того, чтобы мистер Лимпет сгладил и отполировал край. Я должна была сделать это давно, но он изранил мне весь рот.

Джеймс протянул ей серебряную табакерку, наполненную гвоздикой:

– Возьмите. Возможно, вам это еще понадобится. Возможно, зуб пройдет сам по себе. Такое ведь случается.

Ее пальчик закрыл крышку.

– Благодарю, я ценю ваш жест. Мне приятно, что вы подарили мне свою гвоздику. – Она продолжила совершенно искренне: – Видите ли, я никогда не удаляла зубы. Кажется, что становишься... – она запнулась, потупившись, – беззубой, старой каргой.

Женщина засмеялась, Джеймс тоже. Ее беспокойство было смехотворным. Все еще улыбаясь, дама протянула ему свою руку – жест, нехарактерный для англичанок. Из мехового манжета узкого рукава показалось запястье. Джеймсу потребовалось несколько мгновений, чтобы понять, для чего она ему ее протягивает. Затем Стокер прикоснулся к ее прохладным пальцам и поцеловал их.

– Миссис Уайлд, – представилась она, затем отняла руку с достоинством королевы. – Обычно я не представляюсь незнакомым мужчинам после нескольких секунд знакомства, но... – Она снова рассмеялась. Женщина, которая так много смеется, всегда немного переигрывает. – Но вы только что спасли мой зуб... – Она на мгновение замолчала, затем на лице ее расцвела приятная улыбка, и она продолжила с такой серьезностью, что Джеймс даже опешил: – Я вам так признательна! – Подавшись вперед, миссис Уайлд на мгновение сжала его руку, затем отодвинулась. – Боль прошла. Вы так умелы и изобретательны.

– А мистер Уайлд? – спросил Джеймс. Он уже успел скользнуть взглядом по ее руке в поисках обручального кольца – его там не было. – Похоже, он англичанин в отличие от вас.

– Мой муж *был* англичанином. Прошло почти два года с тех пор, как он умер.

– О! – Джеймс постарался не подать вида, как его обрадовало данное обстоятельство.

– По происхождению я француженка. Мы жили за границей. Я приехала сюда всего несколько месяцев назад.

Джеймс кивнул.

– Сэр Джеймс Стокер, – представился он, пытаясь скрыть самодовольство. Если она читает газеты, то должна знать его имя.

Однако Джеймса ждало жестокое разочарование: на ее лице ничего не отразилось.

– И что вы затеваете в Англии, мистер Стокер? – спросила она. – Отчего вы так счастливы?

– Счастлив?

– Да. Вы просто переполнены радостью сегодня. Дайте подумать, – поддразнивала она его. – Полагаю, вы только что сделали предложение девушке вашей мечты и она приняла его.

Джеймс вздернул одну бровь и рассмеялся. С недавнего времени его расположения добивалось огромное количество семейств. И ему надо спешить, если он хочет найти девушку своей мечты. Было столько забавных ситуаций: за ним даже ухаживали.

– Ах, кажется, я ошибаюсь. В таком случае, – отважно заявила миссис Уайлд, – должно быть, та женщина, которую вы безнадежно желаете, наконец-то разрешила вам прийти – поздравляю.

Джеймс хмыкнул:

– Теплее. Я только что вернулся из Африки и никогда – слышите, никогда! – не поеду туда снова. Африка отпустила меня. И я очень рад. – Он на мгновение прервался, удивившись своей откровенности. Эти слова не походили на те, которые он обычно подбирал, описывая благоприятное стечение обстоятельств в своей судьбе.

Позже Джеймс понял, почему так разоткровенничался. Миссис Уайлд глубококомысленно покачала головой и с серьезным выражением вздернула брови.

– В самом деле? – спросила она. – Для меня это тоже не континент. Я слышала, там живут дикие племена. Там вас могут и съесть. Эти люди обычно заставляют своих пленников сражаться с львом или леопардом.

Они дружно посмеялись над этой романтической чепухой. Но Джеймс почувствовал раздражение: она симпатизирует ему, считает три года, проведенных им в Африке, благородным, отважным приключением, однако это не так. Он сказал:

– Да, я даже не могу передать вам, как счастлив, что могу каждую ночь спать далеко-далеко от этих мелеющих рек, наполненных пиявками, от пустынь с плюющимися верблюдами. И я испытываю огромное облегчение от того, что нахожусь на недостижимом расстоянии для комаров и летучих мышей.

Мыши! О Всевышний! Как приятно забыть об этой вопящей и смердящей порхающей массе из костей и меха. Он никогда прежде не рассказывал о летучих мышах, которые в бесчисленных количествах висели на деревьях, как гроздья фруктов.

Свет в комнате померк из-за туч, набежавших на солнце. Миссис Уайлд слегка повернулась к Джеймсу, изогнувшись и положив локоть на спинку стула.

Джеймс рассчитывал перевести разговор, превратив его в пустую утонченную болтовню, с минимумом неприятных впечатлений.

Но она продолжила:

– Я очень высокого мнения о путешественниках, хотя бессмысленно подвергать себя таким опасностям, не говоря уже о неудобствах.

Отвечая, Джеймс даже вспыхнул.

– Вы знаете, что меня раздражает? – Откровения так и полились из него, как будто он находился под влиянием веселящего газа. – Сломанный зуб. Могло ли быть хуже? Я не знал, что делать: потерявшийся, больной, готовый умереть, среди людей, с которыми я едва мог объясниться. Я имею в виду, что лучше уж было потерять ногу, руку или носить повязку на глазу. Но нет! Ни одного шрама! Я здоровее и сильнее, чем в день, когда покинул Англию. Но зуб, который я повредил во время одного из бесчисленных происшествий, когда приходилось мазать лицо черной краской, чтобы не привлекать к себе внимания... – Он фыркнул от отвращения. – И в течение часа все это затвердевало... – Он перевел дыхание.

Боже, будь у него достаточно времени, он рассказал бы миссис Уайлд историю своей жизни.

Его рассказ не походил на разговор, имевший место в обществе королевы. Джеймс не поделился с ней своими душевными муками. Сейчас он немного испугался, услышав свои признания, – однако получил особое удовлетворение. Это было правдой – он изливал душу незнакомой женщине в приемной у дантиста только потому, что та, казалось, была способна выслушать и выразить сочувствие.

Он сжал губы, неуверенный в правильности своего поступка.

Дама улыбнулась и слегка наклонилась к нему. Снова его рука ощутила легкое прикосновение ее руки, но она тут же отодвинулась.

– Не переживайте, – сказала миссис Уайлд, словно прочтя его мысли. – Я не буду вспоминать об этом. Я догадываюсь, что вы смущены оттого, что заговорили со мной так откровенно. Но поверьте, в этом нет ничего плохого, все поправимо.

Она помахала рукой так, словно отмахивалась от огорчений.

– Я сохраню ваши секреты. Это неприлично, не правда ли, выбалтывать то, что один человек доверил другому? Я хочу сказать, что если вы решите, то расскажете все сами.

Джеймс поспешно ответил:

– Да, вы совершенно правы, благодарю вас.

Миссис Уайлд, улынувшись, кивнула, затем подняла свою новую серебряную табакерку с гвоздикой:

– Рада, что мне довелось познакомиться с вами, – проговорила она.

Очаровательная миссис Уайлд встала. Джеймс поднял со стула ее пальто и подал ей. Пальто не было громоздким из-за хорошо обработанного, необычайно мягкого редкого меха.

На этикетке, пришитой к атласной подкладке, значилось: «Ворс, Париж». Оторочка на манжетах и воротнике великолепно подходила к маленькой шляпке. Вуаль на ней, усыпанная мельчайшей крошкой черного янтаря, была откинута назад, по-видимому, для того, чтобы миссис Уайлд было удобнее вытирать слезы. Вуаль сверкала и переливалась блестками.

Джеймс уставился на эти блестки, пока его руки ласкали роскошный гладкий мех. Надев пальто, дама плотно запахла воротник. Повинуясь внезапной прихоти, Джеймс неожиданно сказал:

– Сегодня вечером мне придется идти на прием – в мою честь, естественно. Я буду польщен, если вы согласитесь сопровождать меня.

Она пристально посмотрела на него, вздернув бровь. Ее нежная улыбка стала игривой – наполовину смущенной, наполовину скептической. Миссис Уайлд ответила:

– Вы очень милый *молодой* человек.

Она отчетливо выделила слово «молодой».

– И любезный, – сухо добавила она.

Все правильно, он перешел границы дозволенного. Его предложение было слишком фамильярным. Так, словно он подцепил ее на улице. Возвратившись в Англию, Джеймс обнаружил, что находится не в ладах со светскими условностями. Те же правила, которым он неукоснительно следовал еще четыре года назад, теперь стали стеснять его, представляясь глупыми и деспотичными. Почему? Почему он не может пригласить очаровательную женщину на прием, чтобы сделать и себе, и ей приятное?

Она сказала:

– Следует пригласить красивую молодую женщину – составить вам компанию.

Миссис Уайлд неторопливо опустила вуаль на лицо. Ее глаза таинственно блеснули. На какое-то мгновение Джеймсу показалось, что в ее взгляде промелькнула печаль, но затем все исчезло.

– Благодарю вас, – сказала она. Насколько Джеймс мог судить, если только он вообще мог судить о чем-либо трезво, она очень быстро взяла себя в руки. – Пожалуйста, передайте мистеру Лимпету, что я решила пока потерпеть свой ужасный зуб. – Она рассмеялась. – Я так к нему привязана, что не готова с ним расстаться. Может быть, завтра, может быть – никогда. Еще раз благодарю вас, мистер Стокер.

И прелестная миссис Уайлд исчезла.

Глава 2

Одной из наиболее ранних версий «Спящей красавицы», возможно, является легенда о валькирии Брунгильде. Представляет интерес тот факт, что в сказке принцесса спит в воинских доспехах на пустынном острове, окруженная стеной огня.

Из предисловия к переводу «Спящей красавицы», Лондон, 1877 год.

Лондон

29 марта 1876 года

«Милейший Дэвид!

Я так рада, что ты наконец вселился. Дом скорее всего прекрасный (хотя пчелы немного настораживают). Не могу дождаться, когда увижу твоё творение. Я проверю расписание поездов и буду у тебя до конца недели.

Да, конечно, я получила известие от лондонского издателя. Сегодня с дневной почтой пришло письмо. Ему понравились рисунки, сделанные мною для парижского издания, но он хочет, чтобы я представила новые. Они должны быть более «английскими». Ха-ха-ха! Ты спросишь: почему бы ему тогда не нанять английского иллюстратора? Я знаю ответ – переводчику, какой-то английской титулованной особе, мои рисунки понравились больше. Особенно приглянулись мои причудливые завитушки и шуточные вещицы. Во всяком случае, «Спящая красавица» Перро выйдет в «Пиз-пресс» здесь, в Лондоне, и не кто иной, как я буду делать иллюстрации. Я очень счастлива. Мистер Пиз рассказал, что это должна быть восхитительная книга, с золоченым обрезом и цветными иллюстрациями-вклейками, следовательно, он хочет получить дюжину набросков к концу лета, чтобы выбрать, какие из них войдут в издание. Будет много работы.

Еще раз благодарю тебя, мне лучше, намного лучше. Не нужно было плакаться тебе в последнем письме. Вышеупомянутое событие значительно улучшило мое настроение, но есть и другая причина. Не смейся. У меня все еще проблемы с зубом. Сегодня у дантиста красивейший молодой джентльмен научил меня, как облегчить боль с помощью гвоздичных бутонов. Поэтому теперь я намереваюсь унимать боль с помощью его средства до тех пор, пока либо боль не пройдет, либо зуб не выпадет.

Этот джентльмен недавно вернулся из Африки. Сэр Джеймс Стокер, по-моему. Слышал ли ты о нем? Он вел себя так, словно я должна была о нем знать. (Я сейчас подумала о том, что мистер Пиз подразумевает, требуя, чтобы мои рисунки были более английскими. Хочет ли он, чтобы они стали более серыми? Сырыми? Или неприветливыми? Как ты думаешь? Не отвечай.) Ты прав, конечно: я плохо знаю Лондон, отчасти потому, что слишком занята собой. Чтобы доказать, что я прислушалась к твоему совету, сегодня вечером я собираюсь ужинать с тремя самыми богатыми моими друзьями. Я проведу весь вечер, внимая разглагольствованию о таких вещах, как дивиденды, выгодные ставки и доступное поручительство.

Ничего похожего на болтовню с моим доблестным героем в приемной у дантиста. Он был так импульсивен и молод. Он заставил меня смеяться над его нахальными, завлекающими манерами. Но это было очень лестно для моего самолюбия. Все же стоит быть осторожнее и не откровенничать

с незнакомцами только потому, что те тешат ваше тщеславие! И представь, как бы я могла дискредитировать рыцаря ее величества королевы Виктории. В конце концов я была резка с ним для его же собственного блага. Я достаточно стара и мудра, чтобы знать, как заставить мужчину отказаться от неблагоразумного ухода.

Теперь следует разобраться с тобой, мой дорогой. Я думаю, не следует называть меня *тапан* и использовать подобное обращение ко мне в письмах. Пожалуйста, перестань. Нет, люди не станут расценивать это как «нечто естественное». Людям нет никакого дела до того, что ты наследник Хораса Уайлда, а я – его вдова и ты любишь и ценишь мою материнскую поддержку, выказывая свое уважение перед всем миром. Опомнись, ты в Англии! Если кто-нибудь дознается о твоей поверенной «*тапан*», тень моего прошлого может затуманить твое будущее. Нет, я говорю решительное «нет». Не желаю больше ничего слышать по этому поводу.

О Англия! Старая глупая корова – вот она кто. Я теряю надежду обзавестись здесь друзьями. Я завидую тебе! Как легко ты влез в английскую шкуру! Я смеялась, наблюдая, как ты вновь стал британцем за две недели. (Ах да, ты можешь пригласить меня в свою «дыру-чайную» на взбитые сливки. Звучит ужасно.)

Прошлой ночью я мечтала об Италии. О прекрасном времени в прелестном домике у моря. Как счастливы мы были! Не значит, что мы несчастны теперь, нет, конечно. Мы самые счастливые – я скоро увижу тебя. Я восхищаюсь твоей восторженностью, я наслаждаюсь твоей привязанностью и уважением, которое ты оказываешь мне постоянно.

Тысяча поцелуев,
Коко.

Глава 3

Наконец я способен писать. Я был просто болен из-за вынужденного молчания. Сегодня я опять болтался в своем гамаке, предаваясь унынию. Главный из сопровождающих меня людей носит два микрометра микроскопов из моего теодолита на своем поясе. Не могу понять, где третий. Двое мальчишек, которым дали колеса, на которые устанавливают приборы, играли с ними и в конце концов потеряли. И уже последняя капля, переполнившая чашу моего терпения, – это мой секстант. Он пропал, а его линзы, похоже, украшают уши жены вождя. Дети! Я обязан своей жизнью детям с разумом лилипутов.

Из записной книжки Джеймса Стокера, начальника экспедиции Королевского географического общества на север Трансвааля, в бассейн реки Конго в 1872–1876 годах.

Вечер, на который Джеймс приглашал миссис Уайлд, действительно проходил в Букингемском дворце, в самом большом бальном зале – только это помещение смогло вместить все экспонаты, привезенные им из Африки, а также людей, пожелавших присутствовать на открытии выставки. Полчаса назад королева и ее сын – принц Уэльский – почтили своим присутствием собравшихся.

Выставку устраивали Королевское географическое общество, Кембриджский университет и епископат Англии при поддержке самого архиепископа Кентерберийского.

Прием был в честь Джеймса. Он вернулся с подношениями от удаленных и прежде неизвестных народностей банту, которые называли себя вакуа. Они послали «царствующему правителю племени Джеймса Стокера» золотую утварь и украшения, отчеканенные и обработанные с исключительным мастерством. На помосте длиной в сотни футов, расположенном вдоль восточной стены бального зала, разместили золотые, в двадцать четыре карата, блюда, толстые и тяжелые, теплые и сверкающие. Кроме того, вокруг них лежала масса ручных и ножных браслетов, колец, нагрудников, привлекавших своим экзотическим видом. Длинный, загроможденный золотом помост навевал воспоминания о сказке про Али-Бабу. Это больше походило на открытые сундуки сорока разбойников, чем на подарок от первобытного племени. По оценкам Лондонского отделения компании Ллойда, которое застраховало все это, экспонаты выставки стоили около четырехсот пятидесяти тысяч фунтов стерлингов.

Джеймс стоял возле экспозиции, освободившись наконец после двух часов нескончаемых поздравлений. Он посмотрел на золото вакуа, затем отвел взгляд. Представшее перед ним зрелище почему-то выбивало его из колеи. Собранное в одном месте, все это золото представляло собой чудовищную грудку. Джеймс и не предполагал, что его так много.

Уже больше часа в зале звучали волнующие звуки вальсов. Дамы, с которыми Джеймсу пришлось танцевать, слились в бесконечный поток; он не мог припомнить их имен. Сейчас зал кружился у него перед глазами. Он решил, что его состояние вызвано мельканием и кружением перед глазами более четырехсот человек, а не несметным количеством выпитого шампанского. С начала приема тосты в его честь провозглашались непрерывно.

– Доктор Стокер... – Резкий голос прервал его размышления, и чей-то локоть толкнул его. Шампанское выплеснулось. – Вы все это привезли сами?

Джеймс повернулся к единственному из сегодняшних высокопоставленных гостей, с которым он еще не успел побеседовать, – с Найджелом Азерсом, епископом Суонсбридж-

ским. Архиепископ Кентерберийский прислал его вместо себя представлять на приеме английскую церковь.

Джеймс мягко улыбнулся.

– Не совсем так, отец мой, – ответил он. – Мне помогали почти четыре сотни носильщиков и двенадцать местных разведчиков. – Он не упомянул, что территория, где живут племена вакуа находится так же далеко, как и Замбези, а также о караване из нескольких тысяч верблюдов, и, наконец, о капитане Лэйтоне и об экипаже Британского королевского флота.

– Из всей экспедиции вам одному удалось выжить.

Джеймс заглянул в свой опустевший бокал и прошептал:

– Да.

– Поразительный случай, – произнес Азерс, однако фраза прозвучала формально. Будучи высокопоставленным лицом огромной и влиятельной организации, он придерживался мнения, что все золото, представленное сегодня на выставке, должно принадлежать церкви.

На прошлой неделе вице-канцлер и епископ выработали общую позицию: Короне передавалось право на золотое подношение, которое стоило ее подданным жизни. Однако оговаривалась «безусловная компенсация». Смысл состоял в том, что эта «компенсация» будет распределяться «публично», что у университета и церкви преобладают нравственные интересы.

Джеймс старался отмежеваться от этой драки, но он знал, насколько призрачна его независимость: если он заодно с вице-президентом университета, то это, увы, означает, что он поддерживает и вздорного епископа, стоявшего сейчас рядом с ним.

Как бы про себя Азерс добавил:

– Сегодня отец Менлоу поставил меня в известность, что Исмаилу Роджерсу, члену вашей экспедиции, было поручено получить двадцать восемь фунтов и два шиллинга, на которые ему следовало купить Библии в Кейптауне.

– В самом деле? – Джеймс подумал, что бестактно объяснять епископу, что его вовсе не заботило, сколько этих самых Библий сопровождало географическую экспедицию.

– Да, видите ли, Исмаил телеграфировал нам из Кейптауна. Но ни слова не упомянул ни о Библиях, ни о деньгах. Я бы хотел знать, получил ли он деньги и где они сейчас?

– Деньги?

– Библии. Что с ними стало?

– Я не осведомлен об этом.

– Роджерс предполагал взять с собой три ящика с Библиями, переведенными монахом на арабский, в глубь страны.

– Арабский?.. – повторил Джеймс равнодушно. Он хмуро взглянул на епископа. Тридцать с лишним племен банту в северных районах Африки пользовались своими собственными языками и диалектами, такими же далекими от арабского, как и от английского.

Азерс продолжал:

– Что случилось с деньгами, которые Роджерс предположительно получил?

– Я не могу ничем помочь, потому что ничего не знаю.

– Но он был членом вашей экспедиции!

Джеймс постарался сдержаться.

– Я отвечал только за географическое направление экспедиции и понятия не имею, чем занимались ответственные за другие направления. Мы разделились и часто действовали отдельно друг от друга, не встречаясь месяцами.

Видя, что данное объяснение недоступно пониманию высокопоставленного священнослужителя, Джеймс предположил:

– Но если проанализировать ситуацию, то скорее всего все деньги Роджерса захоронены вместе с ним. Люди, которые нашли нас, никогда не видели денег и не знают, для чего они предназначены.

После непродолжительного молчания Азерс сказал:

– Но вы – единственный, кто вернулся оттуда. Я советовал бы вам, доктор Стокер, не строить предположения. Будет лучше, если вы во всем разберетесь и приготовите официальное объяснение.

Джеймс рассмеялся:

– Из-за двадцати восьми фунтов и двух шиллингов? Вы шутите?

Но Азерс взглянул на него так серьезно, словно сопровождал похоронную процессию. Джеймс приподнял одну бровь и произнес:

– Я не стану этого делать. Скажите Менлоу, что я выпишу ему банковский чек на двадцать девять фунтов, это должно его удовлетворить. Я думаю, Найджел, – Джеймс назвал епископа по имени, намеренно уравнивая их позиции, – вы не позволили бы вашим подчиненным тревожить вас по пустякам. Боже мой! Как измывались люди!

– Дело не в сумме, а в принципе.

– Совершенно верно.

– Принцип соблюдения интересов церкви и вложения денег игнорировался с самого начала...

Но Джеймс не дослушал фразу, разговор пришлось прервать, так как кто-то обнял его за плечи.

Дружелюбный голос вмешался:

– Ей-богу! Джеймс, какое грандиозное зрелище! О ваше преподобие... – Это был Тедди Ламотт, его однокашник, который продолжил с беззаботным весельем слегка набравшегося человека: – Эти сверкающие вещи доставлены с должной заботой честным англичанином. Бог мой! Перевезти все это через чертов, э-э, простите, кошмарный континент домой! Какой труд, Джеймс! Ей-богу... *сэр* Джеймс. Великолепное зрелище, старина...

Тедди нес вздор, Джеймс переминался с ноги на ногу между подвыпившим другом и Азерсом, слывшим трезвенником.

К счастью, что-то на другом конце зала отвлекло епископа.

Джеймс воспользовался моментом и прошептал:

– Тедди, ты – простак. Сейчас не время валять дурака.

– Никогда бы не подумал. Догадайся, кого я здесь встретил? – Тедди не дождался ответа, повернулся к Джеймсу и радостно сообщил: – Николь Виллар.

– Кого?

– Знаешь, – Тедди кивнул в сторону оркестра, вытаращив глаза и выгнув брови, – если верить слухам, эта женщина принимала ванны из шампанского, когда, как ты знаешь, у Франции от чувства собственного достоинства остались одни воспоминания. У нее дом в Париже. Однако она здесь. Мы беседовали. Я уверен, что это она.

О чем это, черт побери, Тедди болтает? Джеймс покачал головой.

– Боже! – пробормотал он и взял своего друга под руку. – Позволь мне отвести тебя к кебу, пока ты здесь не рухнул.

Тедди высвободился, как рассеянный и в то же время возбужденный ребенок.

– Нет-нет, – возразил он. – Ты должен познакомиться с ней, Джеймс. Или по крайней мере увидеть ее. Боже, как она великолепна! Ты даже не представляешь! Посмотри. – Тедди указал в направлении противоположной стены зала. – Вот там, только что прошла мимо леди Мотмарч и жены епископа.

Он, по-видимому, увидел свою прелестницу, так как издал легкий вздох.

– Боже мой, она фантастична! Я влюблен. Посмотри.

Джеймс попытался, однако тщетно. Между ним и местом, куда указывал Тедди, находилось около сотни женщин.

Ламотт между тем продолжал:

– Она не похожа ни на одну из них – ни на вертихвостку, покачивающую бедрами, ни на двух актрис, претендующих на успех на сцене, – ничего вульгарного. Она утонченная и культурная, тебе бы послушать ее. Как мадам Вальтесс де ла Бинь с особняком на бульваре. Великая кокотка из Парижа, Джеймс. Ты такую никогда прежде не встречал. Боже, как ты думаешь, сколько она стоит? Ты думаешь, она берет за ночь или, может быть, только... если купишь ей дом и даешь полное содержание?

Теперь Джеймс был обескуражен. Оторвав взгляд от епископа, он стал старательно вглядываться. Стокер выглядывал из-за голов, чтобы получше рассмотреть. В дальнем конце зала между вальсирующими парами он разглядел привлекательную женщину, собиравшуюся присоединиться к танцующим, затем другую, сидевшую в накинутой красной мантилье, ниспадавшей с ее рук на стул.

– Нет, нет, нет, ни та ни другая, – разуверил его Тедди. – Немного правее. Женщина, стоящая спиной к нам. Вон там, видишь? В белом платье, ну не совсем белом – в атласном платье, отливающим металлом. Серебристо-белом. О, держу пари, немало мужчин потеряло голову сегодня вечером! Как поговаривают, ее дверь в Париже была самой желанной для распутных англичан, соблюдавших приличия, хотя не все из них были благоразумны. Ходят слухи, что, когда принцу Эдуарду исполнилось шестнадцать, закадычные друзья сделали ему подарок – привели к ней.

Любопытство Джеймса обострялось. Он всматривался, стараясь различить женщину в серебристо-белом, как вдруг толпа расступилась, и он увидел ее.

Стокер рассмеялся и покачал головой:

– Нет, мой друг, ты просто надрался.

– Ну не великолепно ли она?

– Да, это так.

Джеймс пригляделся: сомнений не было – перед ними стояла миссис Уайлд из приемной дантиста.

– Да, это она, я ее знаю. Ты ошибаешься – это порядочная женщина.

Тедди ничего не ответил. Когда Джеймс повернулся к своему другу, тот разглядывал его с жадным любопытством.

– Ты знаешь ее? Как, Джеймс? Откуда? Расскажи, старина. Ты не ошибаешься? Джими, Джими, Джими. Пустое. Нет ли у тебя еще парочки сюрпризов?

– Ты ошибаешься, эта женщина – вдова одного англичанина, ее имя Уайлд, миссис Уайлд.

– Ха-ха! – воскликнул Тедди так, словно это подтверждало его правоту. – Правильно. Николь Виллар Уайлд. Была замужем за выжившим из ума старым отставным адмиралом где-то в Италии, пока тот не умер и не оставил ее до неприличия богатой, гораздо богаче, чем прежде.

Джеймс взглянул на Тедди, потом снова посмотрел на миссис Уайлд. Она была прелестна – миниатюрная, женственная, модная, улыбающаяся. То, что она, возможно, была... казалось совершенно невероятным.

– Ты ошибаешься, – равнодушно повторил он.

– Хорошо. Объясни тогда, откуда у нее такие деньги. И почему мужчины дарят ей дома.

На другом конце зала миссис Уайлд принимала бокал с шампанским от широкогрудого мужчины в вечернем костюме – должно быть, они только что пришли.

Тедди придвинулся к Джеймсу, его рука легла на плечо молодого человека.

– Вот что я слышал. – Он понизил голос до шепота, чтобы поделиться восхитительным секретом. – Во Франции кузен императора построил для нее изумительный дом. Гигантский. Мраморные лестницы, ванна из оникса размером с бассейн, украшенные драгоценными камнями водопроводные краны. Легенда утверждает, что он наполнял ее шампанским, а она купалась перед ним обнаженной. Позже какой-то восточный шах или кто-то еще наполнял эту ванну орхидеями и писал ее портрет – обнаженные плечи в ворохе пурпурных орхидей. Здесь у нее еще один дом, но никто не знает, за чей счет. Деньги проходят через небольшой частный банковский дом. Она ужасно скрытная: имеет собственность и здесь, в Англии, и на континенте и постоянный доход с недвижимого имущества.

Джеймс старался представить, что должна делать женщина, чтобы заслужить такие подарки, если она не чья-то жена.

Великая кокетка из Парижа! Он дал волю своему воображению.

Стокер видел перед собой очень красивую женщину, созерцал ее улыбающийся рот. Она вовсе не выглядела безнравственной. В ее манерах были живость и приветливость и полностью отсутствовало притворство. Она мило болтала и смеялась со своими спутниками: тремя мужчинами и двумя женщинами, из которых Джеймс знал только одного – безвкусно одетого американца, которого где-то уже встречал, и тот ему не очень понравился. Джеймс никак не мог припомнить его имя.

– Кто сейчас ее покровитель? – спросил он.

Тедди пожал плечами, и его рука соскользнула с плеча Джеймса.

– Я полагаю, что никто, вот в чем загвоздка. Но может ли быть, чтобы такая женщина не нуждалась в мужчине?

Вопрос остался без ответа, так как епископ Азерс вновь неожиданно возник перед Джеймсом и Тедди, загородив от них остальных присутствовавших. Стокер наблюдал, как он двинулся сквозь толпу по направлению к вице-президенту географического общества Филиппу Данну. Подойдя, Азерс с минуту что-то возбужденно доказывал ему. Филипп одобритительно кивал. Оба они подали знак кому-то на другом конце зала. Мажордому. Прежде чем тот направился к ним, жена Азерса присоединилась к беседовавшим. Она говорила настойчиво, то и дело разглаживая свое платье затянутой в перчатку рукой, словно хотела унять волнение.

Мажордом приблизился. Джеймс, нахмурившись, поглядывал на них. Филипп, казалось, урезонивал темпераментных собеседников, мистер Азерс возбужденно жестикулировал, вытягивал вперед руку и указывал в направлении миссис Уайлд.

– Они собираются ее выставить, – пробормотал Джеймс скорее для себя, чем для своего друга.

Не думая о последствиях, он ринулся через зал, прокладывая себе дорогу среди вальсирующей толпы.

Он видел, что миссис Уайлд оживленно беседует с друзьями. Она, казалось, внимательно слушала, была заинтересована и увлечена разговором. Если эта женщина и была слегка кокетливой, то оттого, что она – француженка. Своим видом Николь напоминала хозяйку литературного салона...

Или древнегреческую гетеру, поправил себя Джеймс, разглядывая ее. В какой-то момент ему показалось, что это возможно, но вскоре ощущение исчезло.

Несомненно, это в порядке вещей, что куртизанки обучаются обслуживать влиятельных и образованных мужчин, которые имеют вкус и деньги для чего-то лучшего, нежели то, что можно найти на улицах.

Нет, нет, нет! По мере того как Джеймс приближался, все более невозможным казалось то, что такая восхитительная женщина могла быть... Боже мой! Она обладала отменным вкусом, соединявшим восхитительное изящество и совершенную раскованность. Напраши-

валось сравнение с хорошо подобранной библиотекой, приглашающей вас расположиться поудобнее в мягком, обтянутом кожей кресле и воспользоваться книгами с золотым обрезом, украшенными цветными иллюстрациями и тиснением.

Джеймс шел, наталкиваясь на танцующие пары, и смотрел на ноги, описывающие круги, смущенный, что сравнил порядочную женщину с библиотекой – местом, которое могут посещать многие мужчины... попользоваться книгой, положить ее на место, уйти, вернуться и попользоваться вновь... Как невежливо!

Хотя когда Джеймс смотрел на миссис Уайлд, то не мог не видеть, что она хорошо обеспечена. У нее была изумительная фигура. Божественная женщина в вечернем платье из серебристого атласа, украшенном розой и голубем по вырезу, который хотя и имел форму сердца, однако выглядел вполне благопристойно. Ее плечи были обнажены под прозрачным органди, таким тонким, что казалось, будто они окутаны серебристой дымкой. Вечерний наряд ее был совершенством, не поддающимся критике.

Краем глаза Джеймс перехватил взгляд мажордома, торопливо прокладывавшего себе дорогу по направлению к ней. Молодой человек ускорил шаг, уверенный, что должен предотвратить скандал.

Он подошел к группе, в которой миссис Уайлд стояла спиной к нему, так что лица почти не было видно. Джеймс коснулся ее руки, и его пытливый взгляд отметил любопытные детали. Все, что он увидел, показалось ему намеренно эротичным. Длинные перчатки на руках, манера держать веер, темные блестящие волосы, собранные на затылке в серебристую сетку, усеянную серебристым бисером. Ожерелье из шлифованного граната кроваво-красного цвета мерцало, изысканно оттеняя ее шею. Духи были не тяжелыми и крепкими, как у проституток, а нежными и благоухающими. Их легкое дуновение вызывало желание вдыхать этот запах снова и снова.

Ему вдруг живо вспомнился разговор с Тедди.

Кто ее покровитель?

Никто на сегодняшний день. Но она скорее всего просто не нуждается в мужчине?

Сердце Джеймса подпрыгнуло и тяжело забилося.

– Миссис Уайлд, – произнес он.

И как только ее имя слетело с его губ, Стокера осенило. «Нет необходимости, – подумал Джеймс. – В наши дни это всецело зависит от желания женщины».

Глава 4

В тот вечер Николь Уайлд приехала в Букингемский дворец с Джейм Леванталем, остроумным и дерзким молодым человеком из Сан-Франциско, получившим гарвардское образование. Он успешно играл на банковских торгах и сделал несколько благоразумных капиталовложений. Он, Николь и двое его приятелей с женами обедали этим вечером, после чего пришли сюда. Вся компания слепо доверилась Леванталю, когда тот потащил их на выставку, чтобы получить ясный ответ от некой персоны, на чьи деньги можно рассчитывать в следующем инвестиционном проекте.

– Миссис Уайлд.

Она обернулась и засмеялась от изумления:

– Вот так сюрприз!

Перед ней стоял молодой человек из приемной дантиста.

Мистер Стокер выглядел превосходно в вечернем костюме: крахмальные складки белого на черном. Он был выше, чем Николь предполагала, разворот плеч шире; вся его фигура была более прямой и внушительной. Возможно, такое впечатление создавала его искусно сшитая одежда. Во всяком случае, его сияющая улыбка осталась прежней – как у самоуверенного, задиристого петуха на птичьем дворе. Что-то в нем – возможно, его энергия – снова смутило ее: Стокер излучал силу, импульс, которых она раньше не встречала. Необычайную жизненную силу. Этот человек претендовал на лучшее, и верилось, что он может этого добиться.

– Джей, – произнесла Николь, отпрянув, – вы должны познакомиться...

Но Джей в этот момент не оказался рядом, хотя еще минуту назад он был на месте. Похоже, Леванталь разговаривал с каким-то должностным лицом. Хорошо, он любит все официальное.

А к мистеру Стокеру она обратилась со словами:

– Это и есть ваш вечер?

– Конечно.

Голос американца вдруг зазвучал громко, так что заставил Николь и Джеймса оглянуться.

– Но я же объясняю вам, – горячился он, – что у меня есть это проклятое приглашение, а дама, присутствующая здесь, – моя спутница.

Мажордом возражал:

– Как бы там ни было, вам и вашей даме придется уйти.

Мужчина фыркнул, копаясь во внутреннем кармане фрака:

– Я могу показать вам это чертово приглашение...

Из-за спины Николь услышала голос мистера Стокера:

– Я прошу их остаться как моих гостей.

Остаться. Уйти... Она насупилась и перевела взгляд с одного мужчины на другого. Мажордом озадаченно смотрел на мистера Стокера. Джей хмурился, разглядывая обоих. Джеймс не сводил глаз с Николь. На его лице светилась улыбка. Она на мгновение задержала взгляд на мужественном лице молодого человека.

Их взгляды встретились, и Николь тепло улыбнулась.

– Джей, – произнесла она, – это тот самый молодой человек, которого я встретила утром. Я тебе рассказывала.

Мистер Стокер кивнул в подтверждение ее слов, но все его внимание было отдано Николь – она начала чувствовать себя так, словно ее платье распоролось по шву. Ее губы дрогнули в улыбке; она прикрыла грудь рукой, приподняв брови в немом вопросе.

Джеймс расхохотался. Он смеялся так, словно веселился над какой-то только им одним понятной шуткой.

Николь тоже рассмеялась, выражение ее лица смягчилось, хотя на самом деле шутка состояла в том, что у нее не было ни малейшего представления, над чем именно он смеялся.

Позади себя она услышала:

– Это и есть тот человек?

Николь оглянулась:

– Хм, да...

– Но сегодняшний вечер устроен в его честь, дорогая.

– Правда? – Она припоминала, что мистер Стокер что-то говорил об этом, однако данное событие было больше, чем «просто вечер».

– Конечно, и королева произвела его в рыцари на прошлой неделе за то, что он доставил в Англию все золото, которое ты видишь. – Джей протянул руку Джеймсу. – Рад вас снова видеть, Стокер. – Его смех прозвучал отрывисто. – Сэр Джеймс Стокер, так ведь? Отличная работа, парень.

Мистер Стокер залился краской смущения. Его настойчивое внимание начинало досажать Николь.

– Да, – сказала она, – настоящий Ланселот¹.

Мажордом вмешался снова. Он сказал:

– Сожалею, но вы должны уйти. – При этих словах он пристально посмотрел на Николь.

Джей повернулся к нему:

– Вы – простофиля. Я уже объяснял, что мы находимся здесь по приглашению Бернарда Фицвильяма из Королевского географического общества. Он...

Распорядитель настаивал:

– Тем не менее я должен проследить, чтобы эта женщина покинула зал.

Николь остолбенела. Ее просили удалиться. Почему? Она взглянула на своих спутников – в ее взгляде отразилось оскорбленное самолюбие. Она была сбита с толку.

Мистер Стокер вновь попытался исправить положение:

– Мой дорогой, сегодня я – почетный гость здесь, сэр Джеймс Стокер, и я приглашаю эту даму остаться. Думаю, принимая все это во внимание, можно считать дело улаженным.

Распорядитель бросил взволнованный взгляд в противоположный конец зала и замотал головой:

– К сожалению, это невозможно, сэр. Я здесь, чтобы выполнить распоряжение о немедленном выдворении миссис Николь Уайлд.

А ей он сказал:

– Мадам, очень жаль, но вы должны уйти добровольно, иначе мне придется вас выпроводить.

Это было безумием. Она закуталась в шаль.

– Что же, хм... – Николь не знала, что сказать и куда деть глаза, – я, хорошо... конечно...

Разумеется, она должна уйти. Хотя Николь терялась в догадках, почему, и пыталась найти способ, как это достойно сделать.

Раздосадованный Джеймс сказал ей:

– Вам не нужно никуда уходить. – И обратился к распорядителю: – Слушайте...

Николь притронулась к его руке:

– Нет-нет. Я хочу уйти. Джей. Не волнуйтесь, вы можете остаться, мы поговорим завтра.

¹ Один из рыцарей короля Артура, ставший его преемником. – *Примеч. ред.*

Американец начал протестовать, но она улыбнулась, резко кивнула головой, поджав губы.

– Вам надо с кем-то встретиться, пожалуйста. Я могу сама добраться до дома. Я настаиваю.

Она изящно подобрала юбки, готовясь проследовать к вестибюлю по лестнице. Николь не удержалась и огляделась вокруг: понял ли кто-нибудь из присутствовавших, что произошло? Трудно было сказать.

Вдруг она почувствовала прикосновение сильной руки, остановившей ее. Джеймс сказал распорядителю:

– Мы станцуем тур вальса до дверей на лестницу, а затем уйдем. – Тот попытался возразить, на что мистер Стокер ответил: – Если вы помешаете, я вас ударю...

Николь прикрыла глаза и усмехнулась:

– О нет. Честно, мистер Стокер...

– ...чемпион по боксу, призер Квинсбери.

Она неистово закачала головой:

– Нет, нет, нет...

Джеймс крепко стиснул ее руку. Этот мужчина был для нее спасением. Николь неожиданно для себя развеселилась.

Зал вокруг них пришел в движение. Она почувствовала, как надежно держит ее рука, лежащая на талии. И Николь закружил водоворот танцующих пар, она влилась в их толпу, легко и стремительно скользя по полу.

«Нелепость, абсурд!» – повторяла она про себя. Но несмотря на все перипетии, ее охватило безудержное веселье. Джеймс Стокер бережно вел ее, ритмичные движения и восхитительная музыка подхватили и закружили Николь. Танцевать с ним было все равно что раскачиваться на длинных-преддлинных качелях: естественно, плавно, радостно. Это не требовало с ее стороны никаких усилий. Все было так хорошо, что Николь не знала, что и сказать молодому человеку, у которого, судя по всему, получалось все, за что бы он ни брался.

Джеймс Стокер был выпускником известной английской частной закрытой школы. Николь осмелилась посмотреть правде в глаза: он был удивительным. И этот поразительный молодой человек кружил ее в вальсе, не сводя глаз с таким неослабевающим интересом, какой она только могла себе представить.

Да, она понимала, о чем он думает, потому что его расположение отнюдь не было простым и бескорыстным. О Боже! Николь вновь рассмеялась – и сама услышала в своем смехе истеричные нотки. Испытывая приятное головокружение в объятиях молодого кавалера, она могла вспомнить о том времени, когда также была молода.

– Что? – спросил мистер Стокер.

Ей пришлось запрокинуть голову, чтобы посмотреть на него. Она доставала ему лишь до подбородка.

– Простите? – переспросила Николь.

Его волосы были зачесаны назад и тщательно уложены. Она разглядела, что они довольно светлые – цвета песка, переливающегося под солнцем золотом и серебром. Золотистые волосы.

– Вы рассмеялись. – Джеймс улыбнулся, глядя на нее сверху вниз. Его согревающая улыбка, без сомнения, любую восемнадцатилетнюю девушку довела бы до обморока. – Над чем, позвольте спросить?

Николь покачала головой, не зная что ответить.

Зал кружился перед ней. Она отдавалась нарастающему вихрю танца и музыки. Когда ее глаза вновь случайно встретились с его глазами, которые за мгновение до того не отрываясь следили за ее губами, Николь почувствовала, что краснеет. Раньше с ней этого никогда

не случилось, если не считать непристойного инцидента, произошедшего пятью минутами раньше. Тем временем ее молодой кавалер внимательно изучал ее. Его светлые глаза цвета янтаря напоминали глаза лесного волка.

Привлекательный молодой человек с непорочным лицом и пугающим взглядом. Он казался совершенством, от него веяло таким здоровьем и оптимизмом, что Николь готова была расцеловать его за это.

Они танцевали, приближаясь к широкой двери на лестницу, ведущую в вестибюль. Там Стокер остановился, заставил ее взять себя под руку и очень непринужденно вышел вместе с ней из зала, чтобы спуститься вниз.

Перед спуском Николь остановилась. Джеймс терпеливо ждал, пока она копалась в своей маленькой, расшитой бисером сумочке, разыскивая успокоительное. Из атласного кармашка Николь достала малюсенькую серебряную коробочку. Только теперь она заметила, что на ней были выгравированы инициалы Джеймса Стокера. Она открыла крышку, достала оттуда две гвоздики и положила их в рот. Николь почувствовала себя немного лучше, как только ощутила на языке сладковатый, слегка жгучий вкус.

Она заулыбалась, но тут же испугалась, что улыбается слишком часто. Николь покачала головой:

– Я поражена, меня никогда еще не выставляли.

Джеймс смущенно пробормотал:

– Не имели права...

– Но они это сделали и, по-видимому, имели на это и право, и возможность. Ну а теперь я пойду.

– Нет, – запротестовал Джеймс.

Николь бросила на него взгляд через плечо, приподняв бровь.

Он снова рассмеялся, пожимая плечами.

– Правильно. Похоже, что они это сделали. – Его смех был глубоким и искренним. – Мне тоже не под силу быть почетным гостем.

Николь повернулась к нему и пристально посмотрела в его глаза.

– Какая глупость, – упрекнула она.

Она должна заставить его вернуться. Для того чтобы Стокер отступил, Николь ткнула его в грудь сложенным веером и рассмеялась над его настойчивостью:

– Я думала, что собравшиеся здесь сегодня имеют для вас большое значение, а вы ушли с женщиной, для которой вход в их круг закрыт.

– Это делает нас сообщниками. Удалив вас, они удалили и меня.

Николь покачала головой. Пусть не старается уравнивать их, она этого не допустит.

Вестибюль был большим и сравнительно свободным. Какие-то мужчина и женщина сидели на банкетке в дальнем углу; они были увлечены беседой. Двое молодых людей курили сигары у кадки с пальмой... Больше никого не было. С улицы доносился шум дождя, беспорядочные брызги разбегались по оконному стеклу длинными-предлинными дорожками. Проливной дождь – обычная весенняя ночь для Лондона. Николь неожиданно подумала, что ей понадобится время, чтобы нанять экипаж.

Но сначала нужно заставить мистера Стокера остаться на приеме.

– Благодарю вас, – сказала она, кивнув ему, – теперь все в порядке. Вы можете возвращаться.

Николь повернулась и пошла к выходу.

– Нет никакой необходимости, – ответил Джеймс.

Она посмотрела на него:

– Не будьте наивным.

– Я не наивный, – подхватил он.

– Нет, наивный, – рассмеялась она, ей никак не удавалось сдержаться.

– Боже, как мне нравится ваш смех!

– Прекратите. – Николь повернулась к Джеймсу и коротко бросила ему: – Один из нас должен сохранять здравомыслие. Ваши усилия напрасны.

– Они не имели права, – продолжал он в своей спокойной кембриджской манере. – Вы ничем этого не заслужили...

– Вы почти не знаете меня и понятия не имеете, что я сделала или чего не сделала.

Они с минуту напряженно разглядывали друг друга, стоя почти вплотную. Наконец Николь с раздражением вздохнула:

– Только для мемуаров, чтобы вы не теряли время понапрасну и не пятнали свою замечательную репутацию: я имею связь с мужчиной много старше вас, даже старше меня самой. Поразмыслите над этим, вы, многоопытный мужчина.

«Пресытившийся человек», – подумала Николь. Совсем не такой, как тот, что стоял перед ней.

– Возвращайтесь, мистер Стокер. Идите и используйте ваше обаяние, чтобы очаровывать нежных, красивых...

– Доктор Стокер, – поправил он ее.

Через секунду она поняла, что Джеймс смущен.

– Простите, – хмуро добавил он. – Я сейчас нахожусь в отчаянии, думаю, из-за того, что вы не учитываете то общественное положение и влияние, которыми я обладаю. Правда, я уже не ребенок. – Он криво усмехнулся. – Более того, я, если вы помните, исследователь Африки.

Николь поджала губы, но улыбка все равно прорвалась наружу.

– И ненавидите все, что с этим связано.

– Я никогда не говорил вам ничего подобного! – Его глаза округлились.

О Боже, помоги! Они оба рассмеялись, глядя в глаза друг другу.

Наконец Николь смогла отвести свой взгляд, не зная, что делать: смеяться или плакать. Боже милостивый! Он лет на семь младше ее. Действительно, рыцарь, у которого нет никаких причин... преследовать ее.

Николь покачала головой. Если он не может соблюдать свои интересы, то она должна помочь ему.

– Мистер Стокер, – заговорила она, – или *доктор Стокер*, я чувствую себя более уверенно в обществе мужчин, умудренных жизнью. Зрелых, искушенных, которые к тому же гораздо лучше воспитаны.

Николь задумалась: сэр Беттер Найт пролил свою кровь из гордыни, погрузился в хитросплетения ее жизни, а затем отправился напрямик на тот свет. Она всегда принимала во внимание то, что думают о ней другие люди.

– Говоря без обиняков, – продолжила Николь, – мне нравятся в мужчинах власть и деньги. И такие черты характера, как блеск и щедрость, когда оба предыдущих условия соблюдены. Вы меня не устраиваете. Я слишком дорогая и для вашего кармана, и для души.

При слове «дорогая» Джеймс прищурился, он прекратил улыбаться, не в силах вымолвить ни слова. Когда он обрел наконец дар речи, то почувствовал себя расстроенным и задетым.

– Миссис Уайлд, все золото, находящееся в этом зале, до крупицы, доставил я, не говоря уже о картах, заметках, дневниках и трех тысячах лучших геологических образцов, которые когда-либо привозились из Африки. Чтобы сохранить все это, я был вынужден пережить не только болезни. Я уцелел, пробиваясь через воюющие племена, избегая змей, которые больше вас. От влажности моя кожа покрывалась плесенью, от сухости мое горло заби-

валось песком, не говоря уже о смертоносных насекомых и летучих мышах, заполонивших деревья...

Джеймс перевел дух, сощутив глаза. Ему надо было успокоиться.

Но он тут же продолжил:

– Я был потерян, болен, разбит, истощен, измучен. Вакуа дали мне все это золото не потому, что я милый молодой человек. – Кривая усмешка вновь появилась на его лице. – Хотя, возможно, и это сыграло свою роль.

Конечно, эти золотые вещи преподнесли, потому что я все выдержал, несмотря на то что они сторонились меня. После возвращения я перестал походить на англичанина. Я составил свое мнение – докучливое и нелিপцприятное – о правительстве, обществе и проклятой английской церкви.

Он еще раз перевел дух.

– Нельзя сказать, что я совершенно не понимаю, что вы имели в виду под словами «искушенный и зрелый». Но я знаю, каково это – стремиться выжить, когда твоя кожа покрыта солью, волосы сбились и стоят дыбом, когда ты так осторожно дышишь, что от этого начинается нервная дрожь по всему телу. У меня гораздо больше опыта, чем у большинства мужчин, даже у тех, что вдвое старше меня, больше опыта, чем мне бы самому хотелось.

Джеймс горько усмехнулся:

– Искушенность и зрелость – для меня эти слова ничего не значат. Но вам я объясню – вы, возможно, видите перед собой куда более искущенного и зрелого мужчину, чем вам приходилось встречать до сих пор.

Николь ничего не ответила, борясь с впечатлением, которое произвели на нее его слова. Она лишь закивала в знак согласия.

– Хорошо, мистер Стокер, – сказала она. – Вы отважный, надежный субъект...

– Который хочет прийти к вам сегодня вечером и разбудить вас завтра утром.

Николь рассмеялась, застигнутая врасплох.

– Нет. – Она отрицательно покачала головой. – Отважный вы или нет, но я не хочу иметь с вами дела. И если вы действительно страдали, то должны понять, что я принесу вам несчастье. Я слишком стара для вас, и в моем прошлом слишком много темных пятен.

Николь нахмурилась и посмотрела в сторону бального зала.

– Хотя я и не понимаю, в чем дело, но сегодняшний инцидент скажется на моей репутации. У меня нет приличных связей здесь, в Англии. Я богатая иностранка без поддержки. Я не такая уж важная персона, чтобы поддерживать со мной знакомство. – Николь накинула на плечи шаль, затем, глядя себе под ноги, произнесла то, чего не должна была говорить: – Вы достойный молодой человек, вас, если не совершите никаких опрометчивых поступков, ожидает блестящее будущее. Вокруг много прелестных молодых женщин.

Она тяжело вздохнула: после всего случившегося Николь чувствовала себя уставшей.

– Благодарю вас еще раз, мистер Стокер, – она поспешно поправила себя, – доктор Стокер. Я не хочу выглядеть неблагодарной, ведь вы были так добры ко мне сегодня. Благодарю за все, а теперь вам пора возвращаться на прием.

Она подняла руку, привлекая внимание швейцара. Когда он подошел, Николь попросила:

– Будьте добры, остановите для меня кеб.

Тот в ответ кивнул и вышел.

Смущенный, молодой человек нахмурился, поколебался, меж бровей у него появилась глубокая морщина.

– Вы не должны брать кеб, – сказал он.

– О, прекратите...

– Вы не поняли меня. Я только хотел объяснить вам, что в Лондоне леди не уезжают домой без сопровождения в наемном экипаже. – Почти извиняясь, Джеймс продолжил: – Считается, что этот лихой транспорт предназначен для мужчин. И возможно, по этой причине кеб считается неподходящим транспортом для ночной поездки одинокой женщины. Этот самонадеянный поступок может повредить вашей репутации куда больше, нежели происшествие в зале.

Николь удивилась, но не двинулась с места.

– Что ж, внешний вид может быть обманчив. Не беспокойтесь, со мной все будет в порядке. Спокойной ночи, доктор Стокер.

Его янтарные глаза на мгновение дольше, чем следовало, задержались на ее лице. Их выражение озадачило Николь – как у человека, неожиданно выброшенного из «лихого» кеба и оставленного посреди улицы.

Она задумалась. Какое красивое у него лицо – обиженное и даже оскорбленное, – решительный подбородок, прямой нос, живые, выразительные глаза! Оно еще хранило следы загара, а на ухе солнце оставило отметину в виде рябинки. Но его кожа... Николь никогда не думала, что мужчина может иметь такую прекрасную кожу, и она представляла, как приятно было бы провести ладонью по его щеке.

С удрученным вздохом, понимая бессмысленность своих мечтаний, она подошла к двери. Назойливый кавалер между тем следовал за ней, бормоча:

– Джеймс, пожалуйста, зовите меня Джеймс.

Швейцар принес ее пальто. Мистер Стокер, красивый молодой человек, начисто лишенный здравого смысла, попытался помочь ей. Но Николь воспользовалась услугами швейцара, которому дала чаевые, а затем, запахнув пальто, поглубже засунула руки в карманы. Неожиданно она повернулась к Джеймсу.

Он стоял рядом – сдержанный, загнанный в угол, полный неутомимой энергии и романтического идиотизма. Николь не могла объяснить почему, но от его вида у нее неожиданно защемило сердце. Как напоминание о старой ране, тень давнего огорчения, ни происхождения, ни причины которого она не могла понять.

Николь Уайлд подняла мягкий ворот своего пальто и сказала:

– А теперь прощайте, доктор Стокер.

«Прощайте, прощайте, прощайте» – достаточно.

Швейцар ждал ее у открытой двери. Она дала себе слово не оглядываться.

Когда Джеймс вернулся в бальный зал, все очарование вечера куда-то улетучилось. Романтический ореол и великолепие, окружавшие его, больше не веселили душу. Все мысли были сосредоточены только на одном: Николь Уайлд. Кто она на самом деле? Кем была? Откуда появилась здесь?

Конечно, деньги и состояние давали ей необычную для женщины свободу. Она могла позволить себе устроить жизнь по своему выбору. Возможно, была легкомысленной и распущенной, как предполагал Тедди.

А возможно, все не так. В голову Джеймсу пришло наиболее подходящее объяснение: очаровательная миссис Уайлд (даже ее фамилия Уайлд – дикарка – несправедливо работала против нее) была чужой в английском высшем обществе, приверженном своим обычаям и традициям. Наемный кеб, к примеру. Кто-то обязан был поставить ее в известность, стать ее советчиком.

Кто-то должен был объяснить, почему ей не следует приходить на прием, на котором ожидалось присутствие самой королевы, с таким человеком, как Джей Леванталь.

Джеймс вспомнил, кем был этот американец. Богатый банковский инвестор на второстепенных ролях и большой любитель девочек из варьете. Джеймс говорил себе, что глав-

ная причина, по которой он не хотел бы, чтобы Николь Уайлд опиралась на руку Леванталь, садясь в экипаж или выходя из него, – это то, что общение с таким субъектом – сильный удар по ее репутации. Его вызывающие манеры и пристрастие к женщинам могли еще больше очернить ее в глазах лондонского общества.

Джеймс ужасно ревновал к этому американцу.

Чувство обострилось, когда он увидел, как Джей Леванталь прошел сквозь толпу и подошел к вице-президенту. Джеймс, собиравшийся переговорить с Филиппом, передумал. Раздосадованный, он повернул к столику с пуншем.

Джеймсу нравился Филипп Данн. Он уже много лет восхищался им, еще до своего отъезда в Африку. Филипп давно взял Джеймса под свое крыло. Их интересы, профессиональные цели и убеждения совпадали. Хотя многие, и Стокер знал об этом, не любили Филиппа и не доверяли ему.

На лице вице-президента застыло глубокомысленное выражение. Глядя на Филиппа, можно было подумать, что он погружен в какие-то важные размышления. Этим он был обязан чертам своего лица: высоким и широким бровям и квадратному подбородку. Он всегда выглядел задумчивым, даже когда надевал ночные туфли. Теперь Джеймс знал Филиппа достаточно хорошо, чтобы разглядеть напряженность на его аскетическом лице, так как он изо всех сил старался изобразить вежливый интерес.

Джеймс посочувствовал ему.

– Как она тебе?

– Что? – Джеймс повернулся к подошедшему Тедди Ламотту. Похоже, его приятель протрезвел, хотя и протягивал Джеймсу бокал с шампанским. Джеймс принял его и отпил глоток. Шампанское было холодное и хорошо освежило Стокера. После этого он спросил:

– Кто?

Конечно же, он знал, о ком речь, но Джеймс желал услышать подтверждение.

Но Тедди не доставил ему такого удовольствия.

– Да та, которая была самой дорогой кокеткой Парижа еще семь лет назад. Черт, ты отлично знаешь, о ком я говорю. Я видел, как ты танцевал с нею.

Джеймс хмуро посмотрел на дно бокала:

– Я не уверен, что стоит придавать большое значение слухам. – Он сам не знал, почему встал на защиту миссис Уайлд. Не прошло и суток с того момента, как они познакомились, и сплетни, рассказанные Тедди, могли оказаться правдой. Но тем не менее Джеймс добавил: – Она очень мила, ты заметил?

Смех друга прозвучал так, словно тот услышал какую-то непристойность.

– Правильно, Джимми, – сказал он, хлопнув его по спине, – любой, у кого есть глаза, видит, что она тебе нравится.

Джеймс бросил на Тедди сердитый взгляд, затем вздохнул и уступил:

– Что ты знаешь об этом Левантале? – Он кивнул в сторону последнего. – Какой у него интерес к миссис Уайлд?

– Какой, ты думаешь, у него может быть интерес к ней? Тот же самый, что и у тебя, – рассмеялся Тедди, – тот же, что и у меня, собственно говоря.

Джеймс подавил негодование и постарался скрыть свое состояние.

– И насколько он удачлив, как ты думаешь?

Тедди фыркнул:

– Как я уже говорил, по слухам, никто больше не может рассчитывать на успех. Она делает только то, что хочет сама. – Он рассмеялся. – Так же, как она не пожелала остаться на приеме.

Джеймс прервал разговор на эту тему, ему становилось все труднее сохранять невозмутимое выражение лица и ничего не отвечать.

Оркестр вновь заиграл – вступление из прекрасного «Голубого Дуная», спокойную обманчивую мелодию. Это был тот самый вальс, который кинул в его объятия Николь Уайлд, под звуки которого они оба парили в бальном зале. Музыка напомнила Джеймсу о ее близости. Как легко, точно и удивительно верно она чувствовала ритм. Как красиво они двигались вместе.

«Романтический вздор», – сказал себе Стокер.

Он еще раз вспомнил ее отъезд. В памяти возникла картина, как изящно она вспорхнула в экипаж. Вспомнились брызги дождя, веером разлетающиеся из-под колес кеба, пока темнота не поглотила его.

Более того, Джеймс не мог отделаться от чувства пустоты, охватившей его, едва она уехала, – улица показалась ему совершенно пустынной. Холодно, сыро и темно.

Той ночью Джеймс грезил об Африке, вспоминая древние реки и влажные джунгли, погруженные во мрак. Даже названия у них загадочные – Замбези, Нил. Темнокожих женщин, раскрашенных природными красками, – женщин, которые не прикрывают грудь, выставляют ее напоказ. Колышущиеся груди. Смеющиеся женщины. Женщины, которые неумолимо ласкали его, руки и тела которых прижимались к его орудию, пока он – с величайшим трепетом – не отбрасывал прочь свои английские привычки и не следовал инстинктам, о существовании которых и не подозревал у себя.

Глава 5

Хотя на первый взгляд во всех легендах Спящая красавица защищена от похищения терновым лесом или огненной стеной, но ни терн, ни огонь не сослужили ей достойной службы, когда появился храбрец. Во всех иных версиях, кроме той, что у братьев Гримм, принц в значительно большей степени воспользовался преимуществом, которое давало ему состояние волшебного сна принцессы, чем простой поцелуй.

Из предисловия к переводу «Спящей красавицы», Лондон, 1877 год.

У дантиста был ее адрес. Джеймсу пришлось только чуть-чуть приврать об утерянной перчатке, которую он якобы нашел, чтобы мистер Лимпет дал «такому джентльмену, как вы, сэр» название улицы и номер дома. Таким образом, на следующее утро Джеймс Стокер шагнул вниз по тихой, засаженной деревьями Хеверс-Сквер-роуд, на которой жила Николь Виллар Уайлд.

Перед ним стоял шикарный высокий особняк, выходивший окнами на зеленый холмистый парк. Вдоль тротуара тянулась железная ограда, защищавшая частную собственность миссис Уайлд. Ее прутья обвивали дикие розы. Человек, двигавшийся по тротуару, должен был либо отодвигать заросли цветов, пробираясь сквозь них, либо идти по обочине. В отличие от этих капризных роз превосходный участок, которым владела миссис Уайлд, был очень ухоженным. В пятидесяти ярдах от железной ограды виднелся трехэтажный дом из белого кирпича, с высокими сводчатыми окнами. Картину фасада дополняла черная входная дверь, покрытая лаком, с натертой до блеска медной прорезью для почты. К дому прилегала подстриженная лужайка с подпорками для вьющегося плюща. Все выглядело очень респектабельно.

Как только Джеймс закрыл за собой калитку, он подумал, что не проделал бы путь до дантиста и назад, через весь Лондон, в это утро, только чтобы убедиться, что Николь Уайлд достаточно респектабельная особа. Втайне он надеялся, что она таковой не являлась. Увы! Реальность разрушала тщетную надежду.

Дверь открыла горничная, но почти тут же послышался еще один голос.

— Chi i la? — спросила из темноты за спиной служанки невидимая миссис Уайлд. Она задала вопрос по-итальянски, что прозвучало и бесцеремонно, и естественно.

— Джеймс. Джеймс Стокер, — уточнил он, стараясь разглядеть женщину, вышедшую на его звонок.

Из темноты появилась миссис Уайлд, выглядевшая очень свежо и привлекательно. Утреннее солнце окружило ее голову сиянием.

— Мистер Стокер? — Нескрываемое удивление отразилось на ее лице. — Снова вы, и, конечно, без приглашения.

Джеймс улыбнулся:

— Да. Мы оба не обращаем внимания на советы. Я пришел убедиться, что вы благополучно вернулись домой.

— Как видите.

Он подождал, но так как женщина не предложила войти в дом, Стокер продолжил:

— Прекрасно. Можно мне войти?

Она рассмеялась и покачала головой. Это могло означать «нет», то есть отказ, но могло означать и удивление его настойчивостью. Наконец она сказала:

— Вы безнадежны.

— На самом деле я полон надежд, — усмехнулся Джеймс. — Можно войти?

- Не могу понять, почему я должна развлекать незваного гостя, который...
- Потому что я вам нравлюсь.

Их взгляды встретились, и по ее улыбке Джеймс понял, что она позволяет ему войти. Она что-то сказала горничной, которая подошла и взяла у него шляпу. Николь отступила, пропуская его:

- Что ж, проходите, мистер... ах нет, доктор Стокер.

Солнце на миг осветило ее всю. Его свет скользнул по молочной белизне атласа, плотно укрывавшего ее от шеи до запястий. Каждый вдох и выдох сопровождался восхитительным колыханием груди. Затем она повернулась, чтобы показать ему дорогу, и обнаружилось, что плотный атлас завязан на спине свободными узелками, в прорезях между которыми виднелась мягкая телесного цвета тесьма, скорее, ткань, уложенная в изящные складки и расположенная ярусами. Стокер последовал за этим блаженным зрелищем по темному коридору.

Он почувствовал приятное возбуждение, напоминавшее быющую через край нервозность. Он обезумел от одного ее вида. Он заметил, что миссис Уайлд что-то несла в руке. Это был пышный бледно-розовый цветок, отличавшийся от тех, что росли у нее вдоль ограды. Длинный стебель розы цеплялся за ее юбку.

Прихожая одной стороной прилегала к очень милой гостиной. Она указала ему на стеганую софу, а сама задержалась у маленького столика под зеркальной вешалкой для шляп. Здесь она склонилась над букетом из точно таких же тепличных роз, как та, что она держала в руке. Их было по меньшей мере две дюжины, все неестественно большие. Их бледно-розовые лепестки были такие же плотные и блестящие, как и атлас ее платья.

Она поставила цветок в вазу и сказала:

- Надеюсь, что остаток вечера, после того как я уехала, прошел интересно.
- Я скучал без вас.

– Что ж, мой отъезд мог вызвать что угодно, но не скуку. – Она взглянула на него через плечо и слабо улыбнулась, и, как уже было в прошлый вечер, мурашки пробежали по его рукам.

Когда Николь достала другую розу, Джеймс увидел, что цветы грудой лежали за вазой в пакете из шелковой бумаги, к краю которой была приколота карточка с посланием. Джеймс устался на это доказательство явного соперничества.

Он сел, нахмурившись, у нее за спиной, скрестив руки на груди и закинув ногу на ногу. Через некоторое время он почувствовал легкое напряжение в теле и, положив руки на спинку софы, спросил:

- Мистер Леванталь? – Вопрос прозвучал не так небрежно, как ему бы хотелось.

Николь молча посмотрела на него.

- Мистер Леванталь прислал вам цветы? – уточнил он.

Она поставила последний цветок в вазу, наполненную водой. Проигнорировав его вопрос, Николь улыбнулась своей прелестной улыбкой и спросила:

- Ну, а теперь что я могу для вас сделать?

– Я... э-э, пришел сказать, что могу помочь вам, если вы позволите. – Он прокашлялся и продолжил: – Я с недавних пор обладаю, хм, значительным влиянием. Если бы вы последовали моим советам, вас приняли бы в светском обществе более благосклонно, так как...

Николь шагнула вперед, махнув при этом рукой.

- Ах это, – улыбнулась она вновь.

Она села в кресло. Кресло и софу, на которой расположился Джеймс, разделял угол чайного стола.

– Но с этим ничего не поделаешь, – сказала она. – Я все время думаю, как это обременительно для Дджея – для мистера Леванталя. Если бы я поняла... – Она подбирала слова,

чтобы закончить свою мысль. Если бы она знала, что будет здесь своего рода парией. Она продолжила: – Я бы постаралась избавить его и окружающих от неприятностей.

Джеймс пошевелился, кивнул, стараясь казаться уверенным. Черт побери, почему она заставляла его нервничать?

– Тем не менее у меня есть связи, которые...

– Я уверена, у вас блестящие связи в высшем свете, доктор Стокер. Вас удостаивает вниманием даже королева Виктория.

Горничная принесла чай.

– Ах, – сказала Николь, – вот именно то, что нам нужно. Ну и больше ни слова об этом неприятном инциденте.

Джеймс прищурился. По крайней мере она не выставила его вон. Чай. Хорошо, он выпьет чаю.

Сервируя стол, горничная сдвинула в сторону вместе с безделушками и бумагой плоскую хрустальную коробку и пачку конвертов.

Джеймс с удивлением обнаружил в этой хрустальной коробке сигары. Он уставился на них, пытаясь понять, зачем понадобились сигары одинокой женщине.

– Когда в последний раз вы курили хорошую сигару?

Он взглянул на нее. Николь Уайлд откинулась на спинку кресла со снисходительной улыбкой на лице.

– Не могу припомнить, – ответил Джеймс. – Еще до Африки.

Она слегка кивнула в направлении сигар и произнесла:

– Угощайтесь, если желаете.

Скорее для того, чтобы чем-нибудь заняться, Джеймс протянул руку и открыл хрустальную коробку.

Он взял сигару. Сигара была очень свежая и мягко перекатывалась в пальцах, без хруста. Когда он закрыл крышку, то почувствовал запах табака, исходивший от его пальцев.

Миссис Уайлд забрала у него сигару и специальными серебряными щипцами обрезала ее конец, после чего вернула ему. Принимая ее, Джеймс нахмурился, но тут же его лицо приобрело прежнее выражение, так как она подалась вперед и посмотрела на него сквозь пламя от большого серебряного подсвечника, такого тяжелого, что ей пришлось держать его двумя руками. Подсвечник был в виде ворона, из клюва которого вырывался огонь.

Джеймс наклонился вперед с сигарой в зубах, чтобы раскурить ее. Он слегка затаился и пустил хорошую струю дыма. Сигара горела ровно, Джеймс ощутил ее превосходные запах и вкус. Он прикрыл глаза, позволив дыму окутать его лицо. Наслаждаясь, Джеймс откинулся на мягкую спинку софы.

Он затаивался и пускал клубы дыма, наблюдая в то же время за этой необыкновенной женщиной. Прелестная миссис Уайлд сидела на стуле в позе, которая, по мнению Джеймса, очень хорошо ее характеризовала: не прямо, а немного боком, один локоть свободно лежал на спинке стула. Она опиралась таким образом, что ее поза как нельзя лучше выражала внимание и расположение к собеседнику.

Джеймс пристально разглядывал Николь. Его сердце билось ровно, затем ритм участился. Она. Это действительно была она, куртизанка с погубленной репутацией. Ведь именно так называют женщину, которая получила свое состояние и влияние благодаря близким отношениям с богатыми мужчинами. Сейчас это казалось вполне правдоподобным. Она могла быть любовницей министров и дипломатов, даже епископа Суонсбриджа. Джеймс ничего не мог поделать со своим воображением: эта изящная, хорошо одетая женщина казалась самой испорченной, самой гадкой из всех, кого он когда-либо видел.

Ему хотелось бы признаться, что он оскорблен или испытывает отвращение, но в действительности его пугало собственное смущение.

Подумать только! Прелестная, улыбающаяся красавица, которую он встретил накануне, оказалась женщиной сомнительной добродетели. Нет, если слухи правдивы, то никакой добродетели нет и в помине.

Как только эта мысль пришла ему в голову, она почему-то приобрела особую прелесть. Вовсе никакой добродетели. Доступная, свободная и развлекающаяся. Великолепная, вежливая и светская. На одно мгновение глупая мысль посетила его: почему все женщины Лондона не могут быть такими – вовсе без добродетели? Прямо-таки как мужчины, только мягче, с их неизменно женским взглядом на жизнь. Но без этих женских штучек – невежества, элементарного невежества или, еще того хуже, отвращения к учебе. Все могли бы танцевать, болтать, смеяться, затем уединяться в укромном месте и совокупляться, как кролики или, скорее, как вакуа после прекрасного праздника. И все были бы счастливы.

Джеймс не знал, что сказать, как облечь свои слова в мысли. Она явно не нуждалась в деньгах. Она не мечтала быть принятой в свете. Так что же ей нужно? Какова цена «самой дорогой кокетки Парижа»? Сколько же платят за сексуальный объект высшей пробы, за одну из наиболее откровенных и умных женщин в цивилизованном мире?

О, его фантазии! Эта миниатюрная женщина, такая изысканная, гибкая француженка, не могла быть дикой и похотливой, какой представлялась в его фантазиях. Но француженка... О-о! Одно это уже возбуждало его.

Достаточно сдержанно Николь разливала чай, отодвинув в сторону лежавшие на столе вещи, чтобы освободить место для его чашки. Когда она сдвинула письма, из одного открытого конверта выскользнул лист бумаги. Банковский счет. Джеймс не разглядел суммы, но прочел подпись: Джулиус Леванталь.

Джеймс почувствовал, как внутри у него все перевернулось; голову обдало жаром. Он не мог сдержаться. Снова посмотрел на розы, затем взгляд вернулся к чеку, который выглядывал из конверта словно для того, чтобы раздражить его. В этот момент Николь перехватила его взгляд. Когда их глаза встретились, она рассмеялась.

– Ах, доктор Стокер. – Она взяла банковский счет и конверт со стола, сложила их вместе и спрятала в карман. – Джей, конечно, написал мне.

Она испытывала его, хотя Джеймсу было не до шуток.

– Очень забавный взгляд у вас, – сказала Николь, затем вздохнула: – Видите ли, у меня с ним общие дела. А это мои дивиденды за прошедший квартал. Я предоставила ему часть своих денег: он мой финансовый консультант. Джей очень ловок в таких делах. В этом нет ничего предосудительного. – Николь помолчала. – Меня не волнует, верите вы в это или нет.

– Вам следует знать, что Леванталь здесь терпят только из-за его финансовых связей. Это худшее, что вы могли выбрать себе в спутники, по крайней мере в Лондоне.

– Я не считала, что сделала плохой выбор, – ответила миссис Уайлд раздраженно, – до вчерашнего вечера, конечно. – Как бы извиняясь, она пробормотала: – Парижане любили меня. Я ходила туда, куда хотела. У меня дома на обеде по левую руку от меня сидел кузен императора, а по правую – герцог. Я приглашала русских принцесс и американских сенаторов. Я была замужем за английским адмиралом, который любил меня. Прошлой ночью меня оскорбили. Такого со мной прежде не случалось, – в ее прекрасных умных глазах он прочел удивление, – лондонское общество порицает меня.

Джеймс не должен был говорить этого, но хотел увидеть ее реакцию. Он хотел услышать, как она опровергнет слухи.

– В лондонском обществе распространился слух о вас как о подарке будущему монарху в день его шестнадцатилетия. – Он рассмеялся, словно находил это забавным.

Николь подняла на него свои до неприличия красивые глаза и выпятила нижнюю губу – истинно французский жест, выражающий презрение. В этот момент она выглядела действительно рассерженной.

– В какие ножны принц Уэльский прячет свое оружие – исключительно его дело, особенно если с того момента прошел десяток лет.

Джеймс похолодел. Во рту у него пересохло. Он поднес сигару к губам, затянулся и выпустил кольцо дыма прямо перед собой, надеясь таким образом скрыть впечатление, произведенное на него ее словами.

По-видимому, ему это не удалось, так как Николь склонила голову и с улыбкой сказала:

– О, дорогой, простите. Когда мне говорят подобные вещи, хочется разнести все на куски. – Она слегка смутилась. – Простите, – снова пробормотала она. – Я особенно остро чувствую несправедливость, когда сплетни рождаются в больном воображении из невероятных предположений. Как в случае с Берти. Кто-то будет истолковывать, как любовное свидание, тот факт, что будущий монарх и его друзья сидели в моей ложе в опере.

Джеймс прикрыл глаза и нахмурился. Боже, подумал он в первый момент, она отрицала любовную связь. Но нет, что-то было не так. Она *отрицала*. Но Берти... Джеймс понял, что она обращалась к принцу Уэльскому по имени, которым называли его только близкие друзья.

Николь продолжила:

– Почему люди стремятся влезть в частную жизнь других? – Она взглянула на Джеймса прямо, чуть задумчиво. Но это длилось недолго, затем она рассмеялась. – Я не собираюсь дальше оправдываться. Не жалея выбросите из головы все сплетни, я допускаю, что их достаточно.

Она поджала губы, словно с них могли невольно сорваться слова покаяния.

– Во всяком случае, я не хотела вас шокировать, – добавила она и засмеялась.

Ее смех просто губил Джеймса. Ему хотелось ловить его губами.

Как бы он мечтал быть в ее списке в самом начале! И чтобы все остальные были вычеркнуты. Он хотел ее. Он пришел сюда для того, чтобы договориться об этом. Джеймс желал обладать ею, как это делали до него другие. Какая удивительная откровенность, но как этого добиться? Как к ней подступить? У Джеймса не было никаких соображений на этот счет.

От этих мыслей у него по телу пробежали мурашки. Как подступить к женщине, которая стремится удовлетворить мужчину, умело и целенаправленно. Без обмороков, волнений, отговорок или отвращения.

Джеймс наклонился вперед и положил свою сигару в пепельницу. Он уже приготовился сказать ей, что извиняется, но прежде чем успел это сделать, она встала:

– Ну что ж, – заявила Николь в тот момент, когда Джеймс привстал с софы, – у меня назначена встреча. Очень мило с вашей стороны, что заглянули.

Она сердечно улынулась, протягивая ему руку, – эдакий дружеский жест во французском стиле.

Джеймс принял руку и нежно поцеловал холодные и влажные пальцы, скользнувшие по его ладони. Рассудок вернулся к нему. Он взял шляпу, лихорадочно придумывая благовидный предлог, чтобы удалиться, долго переминался с ноги на ногу и наконец сказал:

– Когда я снова вас увижу?

Николь, остановившись, ответила:

– Боюсь, что мне придется вскоре уехать. – На мгновение она задумалась, как ему показалось, затем безнадежно пожала плечами. – Я уезжаю послезавтра.

Он кивнул. На самом деле ему самому нужно было ехать в Кембридж на пасхальный семестр, который начинался через две недели.

– А когда вы возвращаетесь в Лондон?

– Через три недели.

– Так. – Он не смог скрыть разочарования.

Джеймс последовал за нею в прихожую, размышляя над тем, что бы такое предпринять, чтобы остаться. Николь проводила его до входной двери.

Джеймс выпалил:

– Я бы хотел предложить регулярно встречаться – как мужчина с женщиной. Я не беден, у меня...

– Доктор Стокер, пожалуйста... – Николь опустила глаза. – Я – не уличная девка и никогда ею не была.

Оплошность. Сердце Джеймса бешено забилося. Он не должен был делать поспешных выводов. Теперь надо как-то исправлять положение. Стокер не мог составить ни одной связной фразы, предполагавшей подходящее объяснение.

– Я прошу у вас прощения, – пробормотал он заикаясь. – Я не должен был этого говорить.

Николь подняла руку и закрыла своей ладонью его рот. Он немедленно замолчал.

Они стояли в сумерках коридора, и Джеймс вдыхал аромат ее руки. Она не была надутая, а пахла просто и естественно. Он измерял длительность ее прикосновения биением своего сердца. Сколько ударов она прикасалась своей рукой к его губам?

Не выдержав, он взял ее руку, повернул к себе тыльной стороной и прижал к своим губам.

Николь испуганно вскрикнула и хотела отдернуть руку. Джеймс схватил ее за запястье. Ее рука напряглась. Она скользнула кончиком языка по губам и уставилась на него. Стоя в непосредственной близости от его губ, не в силах высвободить свою руку, Николь отпрянула.

Он пробормотал:

– Вы отчего-то печальны, я хочу помочь.

– Вы пришли не за этим.

– Нет, – согласился он. – Я пришел потому, что вы самая естественная, интересная, образованная, прелестная женщина, какую я когда-либо встречал. Я назову вам тысячу причин, по которым вы мне нравитесь. Скажите, что сделать, чтобы добиться вашего расположения...

Она снова рассмеялась:

– О, вы опасны. Так откровенны, романтичны и нахальны.

– Чего вы хотите? – спросил он. – Скажите мне.

Николь поджала губы и нахмурилась. Она спросила:

– Вас интересует моя цена?

– Хорошо, какова ваша цена?

Она расхохоталась, после чего ответила, чуть заикаясь:

– Я... не имею цены. – Высвободив руку, она отступила в тень коридора, сделала глубокий вдох и затем медленно, с расстановкой выдохнула: – Доктор Стокер...

– Джеймс, – поправил он ее.

– Хорошо, Джеймс. Не оценивайте меня. Я уже сделала выбор в своей жизни. Если понадобится, я сделаю его еще раз. Я всегда делаю правильный выбор...

Он пробормотал:

– Выберите меня.

Николь энергично покачала головой и ответила:

– Только ради интереса я хочу вас спросить: как вы будете ухаживать за, – она негодуяще фыркнула, – «подарком на день рождения принцу Уэльскому»? Без принуждения, без смущения, не навредив своей карьере? Игнорируя людей, недолголюбивающих меня...

– Я люблю вас и не стану смущаться. Более того, те немногие люди, которые узнают об этом, будут считать меня наглым и искушенным. В крайнем случае жизнерадостным. – Он рассмеялся.

– О дорогой, – сказала Николь и посмотрела в сторону, но он успел прочесть на ее лице впечатление, которое произвели его слова: слегка ироничная улыбка, смущение и цинизм, которого он не думал увидеть. – Так вот какого рода ухаживание вы предполагали? – Она раздраженно хмыкнула, дав понять, насколько их взгляды расходятся. – Я больше ничего не делаю тайком или украдкой, доктор Стокер. Я все делаю так, чтобы меня нельзя было обвинить в грехе. Что я любила в своем муже, почему я вышла за него замуж, – так это потому, что он любил меня при свете дня, открыто перед всеми. Я этого достойна.

Николь не повернулась к нему, так что он не мог разглядеть ее лица, но в голосе слышалось разочарование, которое невозможно было замаскировать. Она сказала:

– Знаете, я в Лондоне уже три месяца, и только прошлым вечером мне дали понять, что меня считают здесь ужасной. – Она запнулась. – Вы считаете меня вульгарной. Вы думаете, что можете прийти сюда и купить меня, как новую лошадь для конюшни.

– Нет, я...

– Да, – перебила она. Но благожелательно добавила: – Вы молоды, слишком простодушны, чтобы понять, что значит для вас посещать такое место, как это. А теперь прощайте, доктор Стокер.

– Прошу прощения, я только...

– Все в порядке. Вы поставили меня в глупое положение, – рассмеялась Николь. – Заставили оправдываться. – Она склонила голову набок и снова рассмеялась, на этот раз скептически. – Кто-то что-то говорит. – Николь взялась за ручку двери, которая со скрипом отворилась, и тонкая полоска дневного света ворвалась внутрь.

– Когда я снова увижу вас? – спросил Джеймс.

Она была так хрупка и прекрасна, значительна и загадочна. Он был поражен, обнаружив в ней эту хрупкость, – поражен и очарован.

– У меня дела. Меня не будет в Лондоне до Михайлова дня...

– Прекрасно. В университете как раз будут каникулы. Я смогу приехать в Лондон...

– Но я здесь ненадолго, до отъезда во Францию, где, как обычно, проживу до июня. А лето я всегда провожу в Италии.

Джеймс не знал, что сказать. Она давала ясно понять, что у нее не будет времени, чтобы с ним встречаться.

Николь одарила его открытой улыбкой.

– Так, – сказала она, – если мы встретимся снова, то давайте останемся друзьями.

Джеймс почувствовал разочарование.

Очарование и сердечность этой женщины были большим препятствием, чем ее красота, для того чтобы держать других на расстоянии. Прекрасно. Как только он понял, что произошло, у него больше не было причин обижаться.

Но «нет» есть «нет». И будучи зрелым мужчиной, Джеймс смирит свою гордость и уйдет.

Через минуту.

Он выставил руку, чтобы придержать дверь и выиграть еще минуту на раздумье. Было что-то еще, о чем следовало догадаться.

Все дальнейшее произошло неожиданно. Он стремительно протянул к ней руки, боясь, как бы его не выставили на улицу, прежде чем он соберется что-то сделать. Дверь закрылась с удивительно громким стуком.

Ее глаза расширились, голова запрокинулась. В следующее мгновение он обвил руками ее стан, прислонил к двери и поцеловал.

Джеймс тут же почувствовал ее сопротивление и удивление от того, что какой-то незнакомец в безумном порыве тискает ее. Он старался сделать это с нежностью, на какую только

был способен. Когда он прикоснулся к ее губам, они оказались такими же гладкими и упругими, как на вид. Полные, маленькие и хорошо очерченные.

Николь уперлась руками ему в грудь и старалась оттолкнуть Джеймса, пока он целовал ее, и думала: «О да, это романтично». Почти так это и было. Ее губы не отвергали его. Она упиралась в него сердито и упорно, но ее нежные, мягкие губы прильнули к его губам, из-за чего голова у Джеймса пошла кругом, заставив забыть, где он находится и что делает.

Сколько же это продолжалось? Она вырвалась, тяжело и шумно дыша. Джеймс продолжал держать ее в объятиях, откинув голову назад, главным образом из-за страха, что если он будет стоять близко, то не сможет сохранить равновесие и произойдет какая-нибудь неприятность. Он смотрел на нее. Она молча подняла на него глаза.

Это было похоже на игру: кто первым отведет взгляд. Только не он. Джеймс мог выдерживать взгляд этих потрясающих, фантастических глаз сколько угодно.

Николь взглянула на него из-под своих длинных черных ресниц – ее взгляд напомнил ему безмолвную вкрадчивую загадочность мусульманских женщин в Африке. Женщин, закутанных в черное покрывало с головы до ног. Ему страшно было даже подумать, какой внутренний протест, должно быть, кипит в них.

– Отпустите меня, – приказала она.

Боже, как ему не хотелось это делать! Но по ее взгляду Джеймс понял, что ему лучше подчиниться. Когда он разжал руки, Николь отступила на шаг, отстранившись, расправила смявшийся рукав.

Он хотел извиниться:

– Я... э... я забылся.

– Я так и подумала.

Дальше этого раскаяние не пошло. Сожаление – да. Он сожалел, что упустил возможность воспользоваться ее благосклонностью. Он сожалел, что был неловок и не смог оценить все как следует, потому что это больше напоминало посягательство. Джеймс даже не мог подобрать для этого слов. Тем не менее ей нужен кто-то, и он мечтает стать им, только не знает, как этого добиться.

Николь Уайлд не желала смягчаться.

Она еще раньше сказала «нет» и теперь совершенно определенно подчеркивала это. Ее розовые мягкие губы были твердо сжаты, а глаза предупреждали – «нет».

Итак, зрелый мужчина, каким он был, нахлобучил шляпу на голову, кивнул и отрывисто сказал:

– Хорошо. – Мысленно произнеся проклятия, он повернул ручку двери, затем, раздосадованный на себя и на нее, напористо добавил: – Моя дорогая миссис Уайлд, если вам когда-нибудь понадобится друг, я надеюсь, вы выберете меня.

Хотя, конечно, маловероятно, что она захочет остановить на нем свой выбор.

Джеймс широко распахнул дверь, и солнечный свет ослепил его, но он решительно шагнул прочь, с силой захлопнув ее. От его удара она затряслась, латунная крышка на почтовой щели подскочила, затем, оглушительно звеня, упала.

Испуганная Николь стояла в доме, прислонившись спиной к стене. Правильно, ей не следовало играть с ним. Он доказал, что смесь простодушия и любопытства может быть опасной. Николь всегда знала это, и потому было глупо кокетничать с ним. Какое облегчение, что Стокер ушел.

Так почему она стоит здесь, у двери, борясь с соблазном открыть ее, побежать за своим удивительным молодым обожателем и принести ему свои извинения? Извинения за его неблагоразумие? За то, что он целовал ее как проститутку? Хотя, если честно, ей было приятно. Николь заметила, что касается рукой губ, еще хранивших тепло его поцелуя.

Боже мой, подумала она, целовал ли ее так когда-нибудь хоть один мужчина? Затем она посмеялась над собой. В любом случае последним человеком на земле, который нуждался в ее извинениях или утешении, был сэр Джеймс Стокер. Он был настолько самоуверен, что считал себя необыкновенным молодым человеком. Пусть так. Пусть уходит.

– Синьора? – окликнула ее горничная Лючия.

Она хотела узнать, скоро ли вернется этот красивый молодой англичанин.

Николь отступила от двери и хмуро ответила:

– Он не вернется никогда.

Она прошла из прихожей в коридор:

– И он вовсе не красив, у него большая ступня. Ты видела, какого размера у него ботинки?

С чайного стола Николь брала письма, аккуратно складывая их вместе, пока Лючия болтала по-итальянски о докторе Стокере: о его одежде, манерах, о его экипаже, о колесах этого экипажа с красными ободьями и латунными спицами.

– По-английски, – наконец сказала Николь. Она добавила, стараясь придать своему упреку логичность: – Ты должна пользоваться английским, если хочешь выучить его.

Девушка попробовала. Собирая чайные приборы на поднос, она сказала:

– Вы видите, он о-очарова-ательный, как вы сказали... эlegantный. Его экипаж – мод-ный и изысканный.

Николь приняла из ее рук поднос.

– Лючия, иди наверх. Ты поднимешься и закончишь укладывать чемоданы, которые мы посылаем в Сан-Ремо.

Лючия так и осталась стоять, забыв опустить руки.

– Пожалуйста...

– Наверх, иди наверх, – повторила Николь по-итальянски, – иди упаковывать чемоданы.

Лицо Лючии приобрело горестное выражение.

– Я только сказала, – она попыталась объяснить, – что он о-очень красив. Джентльмен.

Николь потеряла терпение:

– Ради Бога, Лючия, девушка вроде тебя может проехаться в его изысканном экипаже раз или два, спать с ним, но английский джентльмен никогда не свяжет себя обязательствами перед прислугой. Это несерьезно. Не будь такой наивной, слышишь?

Уязвленная, Лючия нахмурилась.

– Я? Нет, не я. Я думала о вас, синьора. Он влюблен в вас.

Николь пристально посмотрела на девушку. Затем, успокоившись, мягко сказала:

– Не в меня, Лючия. Я не такая. – Она вздохнула и отдала поднос Лючии. – Теперь иди отнеси это на кухню.

Она опустилась на софу и откинулась на спинку, потирая лоб.

– Простите, – сказала Лючия, – я сама себе надоела.

Николь почувствовала себя ужасно опустошенной. Прием, с которого ее выставили, испортил настроение. Вдобавок зуб снова разболелся.

– Не важно, синьора. Это тоже забрать?

– Что?

Лючия указала на чашку Джеймса Стокера.

– Да. А теперь я должна пойти отдохнуть. Только отнеси поднос в буфетную, я поднимусь немного позже.

Лючия ушла с подносом. Николь потребовалось немного времени, чтобы прийти в себя. В конце концов она встала, взяв из пепельницы недокуренную сигару Джеймса Стокера.

Глядя на нее, она криво улыбнулась. Николь не сомневалась, что красивый молодой англичанин прежде имел дело с женщинами. Он не был неопытен, но слегка растерялся. О Боже! Каким контрастом по отношению к ней был Джеймс Стокер.

Еще невинный, но, Николь была уверена, быстро обучающийся. Он был неиспорченный, галантный. Лючия права: настоящий джентльмен. Ланселот, пользующийся недозволенными методами, хотя еще не знает, как это делается. Или, Боже милостивый, не задумывающийся о последствиях. Это его она хотела предостеречь, а не Лючию.

Он обладал достаточной властью, чтобы сделать доброту и великодушие нормой чувств.

Хмыкнув, Николь прошлась и высыпала содержимое пепельницы в пустую коробку из-под роз на столе под зеркалом. Затем в эту же коробку она сбросила оторванные листья и отрезанные стебли.

Конечно, однажды она сама увлеклась романтическими фантазиями. Вот о чем она мечтала: если бы я была из богатого дома, а не дочерью рабочего с бумажной фабрики... Сэр Джеймс Стокер, несомненно, из числа джентльменов, внимание которых ей приятно. Она очарована его прекрасными манерами, интеллектом и жизнерадостностью. Ах, вот еще что – прямота его взгляда заставляет собеседника смотреть в эти золотисто-карие глаза и верить каждому его слову.

Николь тяжело вздохнула. Она согласилась бы провести время с ним. Николь смахнула остатки цветов и листьев со стола, затем подняла карточку, которую доставили вместе с розами, и взглянула на нее снова. Карточка была не подписана, однако Николь сразу же узнала почерк, который не видела больше десяти лет. Она узнала его мгновенно по характерному наклону букв в одном повторявшемся слове: сожалею, сожалею, сожалею.

Она смяла карточку и швырнула ее в прочий мусор, покачав при этом головой. Да, однажды она уже сглотила, но больше не станет этого делать.

В тот же вечер, когда Джеймс паковал свои вещи, из Кембриджа прибыла телеграмма от Филиппа Данна. Джеймс вскрыл телеграмму и вынужден был присесть и прочесть ее дважды: «Не хотел говорить до выяснения тчк Твое имя внесено в почетный список на июнь тчк Предложено это как оценка реального значения твоих серьезных достижений тчк Уверен ее величество будет еще более щедрой тчк Огромные поздравления тчк Филипп».

Джеймс ошарашенно уставился на телеграмму. Почетный список представлялся королевские различными советниками и влиятельными людьми, облеченными властью, – список, из которого дважды в год, на Новый год и в день ее рождения, она выбирала чье-либо имя и награждала владельца дворянским титулом.

Как бы далеко ни распространялись амбиции Джеймса, но он и мечтать не мог о чем-либо подобном. Какие он имеет права на земельное владение или дворянский титул? У него нет опыта в управлении имением.

После возвращения из Африки Джеймс присутствовал на приемах ее королевского величества дважды, два раза в течение одного месяца он присутствовал на коротких приемах в Букингемском дворце. Это были частные аудиенции. Джеймс не чувствовал, что совершил в своей жизни что-то, что можно было бы охарактеризовать как «великолепные достижения». Отчего его имя включили в почетный список? Не потому ли, что человек, привезший издалека экзотические диковинки, возможно, знает, где взять еще, и это привлекает ее величество?

Глава 6

Лондон

31 марта 1876 года

«Милейший Дэвид!

Как жаль, что ты не видишь букет цветов, которым я сейчас любуюсь. Я чувствую стыд оттого, что должна позволить им увянуть и их придется выкинуть, но мои билеты уже заказаны: завтра я сажусь на поезд и еду к тебе. Если бы я могла взять эти необыкновенные цветы с собой! Огромные, изысканные, благоухающие нуазетовые розы. Этот роскошный букет такой огромный, словно залитый солнцем сад. С тюльпанами, фиалками, львиным зевом, перемешанными с прелестнейшими маленькими орхидеями, все это с кудрявым папоротником и сочной зеленью с узкими листьями, названия которой я не знаю.

Я подумала, что если опишу тебе все это великолепие, то ты сможешь насладиться этим чудом до того, как я отдам его повару, который отнесет букет своей дочери, – и мы никогда больше его не увидим. Во всяком случае, это единственное и неповторимое рукотворное чудо из цветов. Я никогда не видела ничего подобного.

Они доставлены сегодня от некоего Джеймса Стокера (который вчера был у меня в гостях). Да, тот самый, из приемной дантиста, которого, как тебе показалось, ты видел в Кембридже. Хотя интересно: если ты прав, то твой доктор Стокер – член совета колледжа, а этот человек выглядит достаточно молодо для такой ответственной должности. Высокий, вызывающе загорелый блондин, он похож на того джентльмена, которого ты встречал три недели назад?

Должна сказать, он меня озадачил. Стокер произвел на меня впечатление маленького шустрого школяра, в то время как он кажется достаточно честным для политических интриг удачливого академика. Как ему удастся совмещать это в себе? Он производит впечатление прямолинейного, доброго, благородного. Представь его сидящим у меня в приемной с сигарой Берти во рту.

Смотри-ка, как я перескакиваю с одной мысли на другую! Ты говоришь, что я слишком часто держу все в себе, но ведь я регулярно болтаю с тобой. Между прочим, контракт с мистером Пизом оговорен, заключен и подписан. Он увлечен идеей «сделать сказки братьев Гримм», если можно будет так сказать, после того, как их наполовину урежут. Ни королевско-великанши, ни пожирателя детей. Позор! Я могу сделать прекрасные работы на эти темы, но вместо этого буду закручивать в свои «причудливые завитушки» прелестную спящую принцессу и вычурно переплетать ветки деревьев. Я сделаю лес неприятным. Он поглотит красивого принца, который придет один и поцелует красавицу, придав ее жизни новый смысл.

Ха! До чего же глупая сказка, как по-твоему? Послушай, красавица, проснись. Кто лучше тебя знает цену твоей жизни?

Я не так независима, не настолько благодушна, не так спокойна, не удовлетворена течением жизни. У меня мало друзей: время от времени я получаю известия о Марии-Луизе и Дениз. Лючия со мной; она играет в порочную игру. Ах да, я видела прошлой ночью Маргарет Дрексел,

которая больна; я беспокоюсь о ней. А теперь о другом. Джей проделал первоклассную работу с моими счетами; он сделал гораздо больше, чем я рассчитывала. И Найджел, такой заботливый, делает все, чтобы мне было хорошо. Всегда приятно, когда у тебя есть епископ, который молится за твою душу. Жизнь прекрасна.

Кроме того, я регулярно получаю от тебя письма, самую большую ценность в моей жизни. И наши случайные встречи. Ура! Не могу дождаться, когда увижу тебя и услышу о спортивных баталиях и химических дилеммах. Скучаю без твоего сияющего лица. Благодарю тебя за известие о том, что Кембридж вымирает между сессиями. Я так или иначе поеду туда; я просто должна бывать в Кембридже время от времени. Это даже лучше, что мы не можем видеться часто, мой дорогой. Увы! Береги себя, мой милый. Будь снисходителен к себе. Обнимаю тебя, моя любовь, моя клубника со сливками.

Шлю тебе свои звонкие поцелуи,
Коко».

Нью-Йорк

3 февраля 1876 года

«Дорогая миссис Уайлд!

Прилагаю официальный отчет, отражающий дивиденды, и банковский чек на сумму 2893 доллара 44 цента. Это ваши дивиденды за последний квартал 1875 года в «Леванталь Преферед Инвестменс». Мы благодарим вас, нашего ценного инвестора, за ваше к нам доверие и с нетерпением ожидаем продолжения нашего сотрудничества. Со своей стороны мы всегда рады обсудить ваши финансовые замыслы и инвестиционные планы.

Совершенно искренне
Джулиус Леванталь

В его отсутствие подписал
Х.И. Рэддисон, вице-президент компании».

* * *

29 марта 1876 года

«Коко!

Возвращаю вам письмо из «Л.Д.Р и компания», официальный отчет и новый банковский чек на сумму 14785 франков, в эту сумму я перевел ваш чек на 2893 доллара и 44 цента из расчета 5 франков 11 сантимов за один доллар США.

Рад был помочь
Джей».

Часть 2

Веретено судьбы

Глава 7

Для прекрасной Брунгильды сон – отсрочка. В своем безрассудстве она дошла до открытого неповиновения отцу Одину, который наказал ее, приказав выйти замуж за смертного. Один смягчил свое решение, когда дочь взмолилась, чтобы отец не принуждал ее выходить замуж за труса. Поэтому он погрузил ее в сон и оставил в пустынном замке, окруженном таким ужасным огнем, что только доблестный человек мог пройти сквозь него. Там-то, внутри огненного круга, и спала прекрасная валькирия в полном вооружении. Когда наконец один из смертных, Сигурд, прошел сквозь огонь, он снял доспехи с ее бесчувственного тела, буквально разрушил оборону и обезоружил ее. Этим он пробудил прекрасную деву к естественной плотской любви.

Из предисловия к переводу «Спящей красавицы», Лондон, 1877 год.

Николь менее всего предполагала встретить Джеймса Стокера во время своего короткого визита в Кембридж. По некоторым причинам она намеревалась пробыть в городе десять дней. Николь остановилась в нескольких милях от города, чтобы жить вдали от университета. Исходя из этого, трудно было предположить, что их пути пересекутся.

Но череда событий заставила ее пробыть в Кембридже дольше, чем она рассчитывала, остановиться в резиденции на Честертон-роуд, в шаге от университета, и очутиться на севере Джебюз-Грин в тот самый момент, когда с южной стороны Джеймс Стокер ступил на тротуар и, ни о чем не подозревая, приближался к ней.

Николь наблюдала, как он, привычно радостный, шагал между деревьями. Николь узнала его тотчас, несмотря на его вид: он был в повседневной одежде, без капюшона, лент на воротнике, без ярко-красной докторской мантии.

Николь улыбнулась и остановилась, наблюдая за ним издалека. У нее было достаточно времени, чтобы повернуть назад и притвориться, что она не видит его. Но Николь не могла оторвать взгляда от молодого человека. Джеймс Стокер приносил изысканность во все, что у другого выглядело бы просто скучным. Это впечатление производили не только его костюм, но еще и манера двигаться, разворот плеч, золотой блеск волос на солнце. Он выглядел по-мальчишески раскованным и жизнерадостным. Джеймс выглядел как человек, который наконец-то получил разрешение нарядиться в то, что ему нравится, и весь день играть какую-то роль.

Когда он подошел ближе, это впечатление усилилось, потому что оказалось, что Джеймс что-то мурлычет себе под нос. Это было уже слишком! Николь вышла из-за дерева и направилась к нему. Она не должна была этого делать, однако не могла отказать себе в удовольствии подразнить его.

И действительно, когда Джеймс наконец увидел ее, то остолбенел.

Николь совершенно неожиданно широко улыбнулась ему. Когда она приблизилась, Стокер опустил глаза, покачал головой, затем поднял голову и взглянул на нее со смущенной улыбкой, не веря в произошедшее. В следующее мгновение улыбка на его лице расцвела,

выдавая его с головой. В груди у Николь что-то екнуло. Она почувствовала необычайную радость от того, что доставила ему такое удовольствие.

Пока Николь шагала ему навстречу, Джеймс подыскивал слова, его улыбка стала робкой. Он произнес:

– Так, значит, друзья?

Она молча кивнула в ответ и улыбнулась. Так они и стояли, по-идиотски улыбаясь друг другу.

Джеймс спросил:

– Вы получили цветы?

– Да, они удивительные. Благодарю вас.

– Я послал их в знак примирения.

– Принято.

Джеймс снова кивнул, затем развел руками и сказал:

– Но почему вы здесь... каким образом... Ох, я ругаю себя за то, что случилось в Лондоне... я сожалею... О Боже... – Он досадливо вздохнул.

– Я понимаю, что вы имеете в виду. Все в порядке.

Эти слова обрадовали его. Он покачал головой. Николь развеселило его смущение.

Он сказал:

– В порядке, после того как я хлопнул дверью и умчался, основательно оскорбив вас? –

Он снова покачал головой. – Я не знаю, поверите ли вы мне, но я за всю свою жизнь никогда не совершал таких своенравных поступков, как в тот день. Я из-за этого потерял сон.

Николь понимающе кивнула, подавив смех:

– О да, я вам верю.

Его улыбка вернулась к нему, он настаивал:

– Это непростительно, позвольте мне исправиться...

– Нет-нет, все хорошо, не беспокойтесь...

– Боже, я совершенно не ожидал встретить вас здесь. Я так рад, это не мираж? Куда вы идете? Чем я могу быть вам полезен? Вы со мной не пообедаете?

– Нет. – Она нахмурилась. – Нет-нет. – Николь энергично качала головой.

Джеймс продолжал улыбаться, но его янтарные глаза не отрываясь смотрели на нее. В них светился редкостный и любознательный ум.

– Но почему, как приехали сюда? Что вы делаете в Кембридже?

– Навещаю друга.

– Друга?

– Моего, – добавила она. – Я уже опаздываю.

Николь была возбуждена, более чем сама того желала, и снова качала головой.

– Простите, – сказала она и повернулась, чтобы уйти. Николь не могла удержаться от лучезарной улыбки. Ей было так приятно видеть его, чувствовать прекрасное, чистое тепло его взгляда, прикованного к ней. Как ужасно, что она все это чувствует. Как прекрасно! «Друг», – повторила она про себя, а вслух произнесла: – Я должна идти: у меня встреча через десять минут.

– Встреча? – Джеймс последовал за ней.

Николь отрицательно качала головой. Он заколебался.

Джеймсу она казалась миражем, галлюцинацией. Он боялся, что эта женщина снова исчезнет. О, он хотел быть послушным на этот раз. По мере того как она удалялась, его охватывала паника.

Из-под зонтика, который она держала натянутой в перчатку рукой, Николь сделала еще один истинно французский жест – пожала плечами, как бы не в силах отменить назначенную встречу.

– Пожалуйста, – попросил Джеймс, – позвольте мне загладить мою грубость. – И, словно прекрасное решение пришло ему на ум, добавил: – Если не на обед, то, может быть, вы позволите пригласить вас на чай?

– Нет, – рассмеялась Николь, и от этого пьянящего звука томление разлилось по всему его телу.

Боже, как она привлекательна! Миниатюрная, как прелестный цветок, такая веселая, без тени меланхолии. Счастливая женщина, которая уходит от него, с каждой секундой отдаляясь все дальше и дальше.

– Тогда, может быть, легкий обед? – предложил он в шутку. Боже, как же удержать ее?!

– Нет.

– Утренний чай?

– Нет. – Она снова рассмеялась.

– Завтрак?

– Хорошо.

Джеймс вздрогнул, затем счастливо рассмеялся.

– Вы согласны? – переспросил он.

– Да. Я встречу вас в погребке Толли, напротив Кингс, завтра утром в семь.

У него не было лекций до полудня!

– В семь? – Завтрак у Толли, в толпе студентов, клацающих ложками, шуршащих газетами. – В семь утра?

– Разве ученые так рано не встают?

– Нет.

Она повела бровью, рассмеялась, открыто досаждая ему. Отворачиваясь, Николь произнесла:

– Хорошо, если вы не можете прийти...

– Нет, – улыбнулся он. Затем нахмурился и тут же улыбнулся снова: – Хорошо. Я буду там. – И решился спросить: – Где вы остановились в Кембридже? Я мог бы зайти за вами.

Почему, черт побери, она приехала сюда, и с кем она, очень хотелось бы знать. Что за друг у нее?

Но Николь только повела плечами.

– Я буду прогуливаться, – объяснила она. – Поэтому мы встретимся прямо у Толли в погребке. Вы знаете, где он находится?

– Да. Это тесное, крошечное и шумное заведение.

Прежде чем Джеймс смог предложить что-нибудь получше, Николь помахала рукой на прощание, повернулась и ушла. Так что погребок Толли остался неоспоримым местом их свидания.

Он смотрел, как она удаляется медленной походкой, как блестят ее волосы на солнце. Такие черные и блестящие Стокер видел только в Египте. Да, его миниатюрная Клеопатра обладала достаточным обаянием, чтобы заставить склониться перед собой народы, а заодно и их лучших сынов.

Стокер смотрел ей вслед. Он не мог оторвать взгляда. Ее платье было бледно-розовым – наподобие тех роз, что он видел у нее в доме, – скромное платье. Как только она отошла на почтительное расстояние, бледно-розовый цвет приобрел серебристый оттенок.

Джеймс провожал Николь взглядом, пока она шла по ярко-зеленой траве Джезуз-Грин. Но она не ускорила шаг, проходя вдали среди деревьев или переходя через улочку. Ему в голову пришла мысль, что он мог бы последовать за ней, – она его не увидит. Стокер знал здесь все закоулки. Он почти точно рассчитал, когда она выйдет на главную улицу. И, колебавшись долю секунды, превратился в ученого, каковым и являлся. Ему нужно было полу-

чить как можно больше информации. Прежде всего ему хотелось узнать, что за встреча у нее назначена – он взглянул на часы – в половине четвертого дня во вторник?

Он двинулся. Как только Джеймс достиг границы парка, он сбросил выдававшую его мантию, скомкал ее и спрятал под пальто. Он стоял за деревьями, пока не увидел ее снова. Николь пересекла переулок, затем прошла через маленькую площадь и повернула на Бридж-стрит.

Она двигалась на достаточном расстоянии. Бридж-стрит перешла в Сент-Джонс (Джеймс прятался за зданиями, перебегая от одного к другому, как злодей из мелодрамы); Сент-Джонс-стрит перешла в Тринити, за поворотом открылась Кингс-Парад, центр города. Здесь Николь пересекла Маркет-сквер и подошла к чайной мисс Анабеллы, где, к великому удивлению и разочарованию Джеймса, ее ждал мужчина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.